

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. И.Л. Янышев

Сущность христианства с
нравственной точки зрения

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1877. № 9-10. С. 327-399.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010*

Сущность христiанства съ нравственной точки зрѣнія.

Чтеніе третіе:

Черты человѣческой нравственности въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя.

Изъ предложеннаго въ первыхъ двухъ чтенiяхъ отвѣта на вопросъ: что значить быть нравственнымъ, — какъ ни кратко и какъ поэтому ни мало раскрытъ въ подробностяхъ этотъ отвѣтъ, — можно однакоже усмотрѣть, что нравственно-добрый человѣкъ *приготовленъ*, какъ выражается св. Апостоль (2 Тим. III, 17), *во всякому доброду дѣлу*; какому бы призванію на землѣ ни посвятилъ себя, всякимъ онъ воспользуется только какъ желаннымъ средствомъ для своего духовнаго совершенствованiя; къ какому бы союзу или обществу ни принадлежалъ, всюду внесетъ онъ разумный строй и теплоту любви; качества его духа или добродѣтели, составляя для него самого неизсякаемый и неистощимый источникъ внутренняго довольства, всюду будутъ распространять и матеріальное благосостояніе, насколько это послѣднее зависитъ отъ усилій отдѣльнаго человѣка.

Вся сила теперь только въ томъ, чтобы нравственная природа человѣка находилась въ нормальномъ состояніи, т. е. чтобы, во первыхъ, движенія нравственнаго *чувства*, а съ нимъ и безсознательнаго *влеченія* къ добру, были чисты и энергичны; если это дано, то и *сознаніе* добра и зла, т. е. того, какія дѣйствiя и качества нравственны и какія безнравственны, будетъ ясно въ насъ и мы не смѣшаемъ одного съ другимъ; во вторыхъ, чтобы наше я дѣй-

ствительно обладало одинаковою свободою не только ко злу, но и *къ добру*.

А этотъ вопросъ: обладаетъ ли человѣкъ, помимо чрезвычайнаго божественнаго воздѣйствія на него, чистотою нравственнаго чувства и сознанія, и дѣйствительною свободою къ добру, — и если не обладаетъ, то какъ совершается въ немъ обновленіе этихъ силъ, — этотъ вопросъ, говоримъ, касается уже *сущности христіанской религіи съ нравственной точки зрѣнія*.

Въ первомъ чтеніи было упомянуто, что сила и значеніе христіанства, смотрѣть ли на него какъ на церковь, какъ на начало новой культуры въ той или другой ея сферѣ, даже какъ на государство, насколько послѣднее одушевлено христіанскими началами, — что сила и значеніе всѣхъ этихъ обнаруженій христіанства зависятъ собственно отъ силы и значенія христіанства какъ религіи, какъ возстановленнаго союза между Богомъ въ Лицѣ Христа Спасителя и отдѣльнымъ человѣкомъ: Теперь же должно сказать, что сила и значеніе самой христіанской религіи или возстановленія союза между Богомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ сосредоточивается, съ нравственной точки зрѣнія, какъ въ очищеніи нравственнаго чувства, слѣдовательно и въ обновленіи нравственнаго сознанія, такъ и въ возстановленіи свободы, какъ энергіи или силы, одинаково способной не только ко злу, но и *къ добру*. Только получивъ возможность какъ правильно чувствовать и слѣдовательно сознать, что есть добро или зло, такъ и самодѣтельно осуществлять то или другое, человѣкъ дѣлается способнымъ самодѣтельно поставить себя въ такое или другое отношеніе и къ Богу въ Лицѣ Иисуса Христа.

Изъ сказаннаго вы изволите, мм. гг., отчасти усмотрѣть, что приступая къ отвѣту, что значить быть христіаниномъ, я преимущественно имѣю въ виду объяснить не то, *что должны дѣлать христіанинъ въ жизни своей*, — это мы уже видѣли, когда разсматривали признаки и содержаніе нравственности, и сейчасъ снова увидимъ, что таже нравственность выражена и жизнью самого Христа Спасителя; нѣтъ, я желалъ бы главнымъ образомъ объяснить, *что значить съ нрав-*

ственной точки зрѣнія сдѣлаться христіаниномъ? Какъ возможна въ немъ та нравственность или то добро, какое явлено въ Лицѣ Иисуса Христа?

Говоря это, я уже предполагаю какъ всѣмъ извѣстный догматъ христіанскаго вѣроученія: паденіе первыхъ людей въ глубину зла или самоопредѣленіе ихъ въ пользу чувственности и эгоизма, и наслѣдственность наклонностей къ этому злу во всякомъ, рождаемомъ на свѣтъ, человѣкѣ. Не входя въ подробности этого ученія, постараюсь пояснить нѣсколькими словами значеніе паденія Адамова и нравственнаго состоянія язычника и іудея внѣ сознательнаго отношенія ихъ къ Лицу Искупителя міра, чтобы перейти затѣмъ къ очертанію человѣческой нравственности въ Лицѣ Иисуса Христа.

Вниманіе наше было уже обращено на то, что свобода или наше я всякимъ актомъ въ пользу добра или зла себя само ограничиваетъ, т. е. воплощаясь либо въ добръ, либо во злѣ, оно создастъ себѣ качество, которое дѣлаетъ менѣе возможнымъ противоположное ему; потому что само становится неотъемлемою нашею собственностію, входитъ какъ элементъ въ составъ, какъ я выражался, духовнаго нашего организма. Это вполне естественно. Если всякое, даже незамѣчаемое нами, раздраженіе внѣшнихъ чувствъ непременно такъ или иначе касается нашего душевнаго строя и вліяетъ на него; то слѣдъ сознательнаго и свободнаго акта въ пользу добра или зла, въ виду нравственнаго закона и подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, не можетъ не врѣзаться, такъ сказать, въ самое существо нашего духа и не составить язвы, надъ которой онъ больше не властенъ. Осуществляя себя въ одномъ изъ двухъ противоположныхъ направленій, онъ перестаетъ уже быть одинаково способнымъ къ обоимъ; зло настолько овладѣваетъ свободою и ограничиваетъ ея энергію къ добру, насколько она уже воплотилась въ зломъ качествахъ. Но этого мало: вмѣстѣ со грѣхомъ (въ данномъ случаѣ все равно, разсматривать ли зло, какъ преступленіе положительной заповѣди Божіей, или какъ дѣйствіе вопреки указанію нравственнаго чувства) чистота и пріятность движеній самаго нравственнаго чувства, пред-

назначеннаго только для блаженства человѣка, замѣняется движеніями въ немъ *стыда* предъ самимъ собою и *страха* предъ неизбежными послѣдствіями зла, однажды навсегда соединенными съ нимъ. А съ измѣненіемъ характера движеній нравственнаго чувства не могутъ не омрачиться и нравственное сознаніе и вообще умъ человѣка, теперь уже заинтересованнаго во злѣ, какъ своемъ собственномъ достояніи. Невольная попытка согрѣшившихъ прародителей скрыться отъ Бога — всевидящаго и вездѣущаго, и актъ собственного преступленія приписать не своей, а сторонней волѣ, попытка и сама по себѣ неразумная и преступная, отнюдь уже не казалась такою предъ омраченнымъ чувствомъ и сознаніемъ надшихъ прародителей въ раю!

Слово Божіе не открываетъ, насколько успѣли укрѣпиться въ добрѣ наши прародители до ихъ паденія. Но оно ясно учитъ, что паденіе ихъ во всякомъ случаѣ было глубокое. Если для нихъ оказались неизбежными изнурительные труды, болѣзни, самая смерть, то значить чувственность, съ ея ненасытною, пустила глубокіе корни въ природѣ прародителей; и если жена, вмѣсто помощницы мужу, оказалась рабою его, а мужъ вмѣсто того, чтобы быть другомъ и руководителемъ своей жены, сдѣлался господиномъ надъ нею, то значить и эгоизмъ затмилъ въ ихъ сознаніи равенство ихъ богоподобнаго нравственнаго достоинства!

Дѣти, рожденныя отъ прародителей, не могли уже не наследовать нравственныхъ предрасположеній отца и матери; ибо отъ одной сущности, или какъ мы раньше сказали, отъ „одного духовнаго сѣмени“, также какъ и отъ одной и той же персти, происходитъ весь родъ человѣческій. Зло, т. е. чувственность и эгоизмъ, какъ два направленія волн, прямо противоположныя двумъ основнымъ требованіямъ нравственнаго закона, и до потопа и послѣ него, разрасталось быстро вмѣстѣ съ умноженіемъ человѣческаго рода. Обезсиленная въ человѣкѣ и омраченная врожденная нравственная потребность, правда, не давала ему покоя, но за то *никогда и не могла превозмочь съ немъ надъ зломъ*; онъ искалъ идеаловъ, олице-

творялъ ихъ и поклонялся имъ, какъ божеству, но выражалъ въ нихъ большею частію свое превратное пониманіе добра и зла и свою нравственно-испорченную фантазію.

Назначенный къ царственной, разумной власти надъ всѣмъ матеріальнымъ, человѣкъ, по паденіи своемъ, въ однихъ, наименѣ развитыхъ племенахъ, совсѣмъ повидимому, утратилъ понятіе о своей духовной природѣ и преклонился предъ неразумными силами внѣшняго міра: то предъ произведеніями земли, то предъ свѣтилами и явленіями небесными; въ другихъ, болѣе развитыхъ странахъ, различилъ ясно добро и зло: но какъ понялъ ихъ? Не какъ внутренней актъ нравственно-творческой силы или свободы человѣка, сознаніе которой въ немъ изсякло, а какъ внѣшнія челоуѣку силы: благотворную и враждебную, — олицетворенныя въ двухъ божествахъ, и какъ борьбу этихъ божествъ и въ видимомъ мірѣ и въ самомъ челоуѣкѣ, который самъ оказывался такимъ образомъ только пассивною ареною этой борьбы. Въ третьихъ, еще болѣе образованныхъ народахъ, падшій челоуѣкъ наряду съ добрыми качествами олицетворялъ въ образахъ фантазіи и боготворилъ и самыя постыдныя страсти. Въ четвертыхъ, подъ вліяніемъ безысходной и безсознательной тоски отъ порабоженія злу, понялъ самое сознаніе существованія своего какъ зло, и вступилъ въ отчаянную борьбу съ своимъ тѣломъ, внѣшнимъ міромъ и собственнымъ самосознаніемъ, и все это затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ погрузиться въ какую-то отвлеченную сущность, которая есть въ тоже время всепожирающее ничто. Добродѣтельнѣйшіе изъ образованныхъ людей дохристіанскаго запада, каковы были стойки, въ своемъ нравственномъ міровоззрѣніи не могли подняться выше *слѣпой судьбы*, пустаго звука, ровно ничего не выражающаго. Идеальнѣйшіе мыслители языческой Греціи, каковъ Платонъ, не могли представить себѣ источника зла иначе, какъ въ формѣ матеріи, притомъ независимой отъ Божественнаго Разума, который оказывался такимъ образомъ самъ въ известной степени зависимымъ отъ вещества.

Гдѣ нѣтъ чистоты нравственнаго чувства и влеченія, гдѣ сво-

бода сама порабощена, тамъ не возможно живое сознаніе ни добра, ни духовной сущности природы человѣка, ни всемогущаго, творческаго, личнаго Духа, или: истиннаго Бога.

Назначенный для счастья семейной и общественной жизни по требованіямъ любви, управляемой правдою, или правды, одушевляемой любовію, человѣкъ, поработившійся эгоизму и чувственности, выработалъ и излюбилъ такія формы общежитія, въ которыхъ и помину нѣтъ о нравственномъ тождествѣ духовной природы всего человѣчества: народы раздѣлились по расамъ, изъ которыхъ ни одна не хотѣла въ другой признать равную себѣ по природѣ; одинъ и тотъ же народъ раздѣлился по кастамъ, изъ которыхъ одна не хотѣла видѣть равнаго себѣ духовнаго достоинства въ другой; въ самой семьѣ мужъ деспотически поработилъ жену, родители порабощали дѣтей; на личность человѣка даже въ лицѣ больнаго ребенка, не говоря уже о рабѣ и женщинѣ, смотрѣли какъ на вещь даже просвѣщеннѣйшіе мыслители древней Греціи, авторы идеальныхъ республикъ!

Невозможна взаимная разумная любовь, или правда, одушевленная благожелательностію, тамъ, гдѣ нѣтъ чистоты нравственнаго чувства и влеченія, гдѣ свобода порабощена чувственности и эгоизму!

Нравственное состояніе язычества неподражаемо изображено въ притчѣ Спасителя о блудномъ сынѣ, который, взявъ отъ отца слѣдующую ему часть имѣнія, пошолъ въ дальнюю страну, и тамъ, живя распутно, расточилъ имѣніе свое; а когда прожилъ все и когда настали голодъ и крайняя нужда, то онъ присталъ къ одному изъ жителей страны той, чтобы пасти нечистыхъ животныхъ и раздѣлять съ ними ихъ пищу. Духовный голодъ на чужбинѣ и усиліе заглушить его скотоподобными страстями: вотъ образъ нравственнаго состоянія язычества, *пока не коснулся его лучъ евангельской благодати и не освѣтилъ предъ его сознаніемъ достоинство человеческой природы, и радости, уготованна ей въ домъ Отца Небеснаго!*

Но эта же притча напоминаетъ намъ о нравственномъ состояніи

единственнаго въ древнемъ мірѣ народа, долженствовавшаго, въ силу чудесной исторіи своей подъ особымъ водительствомъ Божиимъ, имѣть и хранить въ себѣ истинныя понятія какъ о Богѣ, такъ и Его святомъ законѣ. У блуднаго сына былъ старшій братъ, не-разстававшійся съ отцемъ своимъ и всегда покорный его волѣ; но этотъ братъ считалъ себя столь непорочнымъ сравнительно съ младшимъ братомъ, что разгнѣвался, когда отецъ простилъ и снова принялъ послѣдняго въ домъ свой. Этотъ гордый старшій братъ— есть Еврейскій народъ, о которомъ Самъ Богъ такъ говорилъ устами пророка: *его (жертвенное) куреніе— мерзость предо Мною; его собранія не стерпимы Миѣ* (Исаиі XXIX, 15); почему же? *Потому что сердце его далеко отъ Меня и благословіе его предо Мною—заученная человѣческая заповѣдь* (ст. 10).

Законъ, поддерживая сознаніе добра въ еврей, не давалъ ему внутренняго влеченія и силы къ исполненію своихъ велѣній и, слѣдовательно, возможности создать въ себѣ внутреннее настроеніе, для котораго законъ служилъ бы только естественнымъ выраженіемъ; отъ того и самое, возбуждаемое закономъ, нравственное чувство лучшихъ изъ евреевъ, сознававшихъ святость закона, вело ихъ только къ страху передъ грознымъ Законодателемъ и Его карами и къ сознанію полного безсилія проникнуться духомъ закона.

Вотъ какъ одинъ изъ такихъ евреевъ времени Христа Спасителя сознавалъ свое нравственное состояніе въ виду положительнаго закона и внѣ особенной помощи свыше. Я разумѣю св. Ап. Павла, который, изъ гонителя юной христіанской Церкви сдѣлавшись ея великимъ Апостоломъ, самъ описываетъ свое до-христіанское нравственное состояніе, подраздѣляемое имъ на два вида: на состояніе до закона и состояніе подъ закономъ. *До закона*, говоритъ св. Апостоль, т. е. пока онъ совсѣмъ не зналъ закона, не сознавалъ его требованій,— онъ думалъ, что живетъ, какъ должно жить; *я жилъ*, говоритъ онъ (Римл. VII, 9). Когда же онъ узналъ, чего требуетъ законъ и сталъ исполнять его, какъ еврей изъ евреевъ (Филип. III, 5), какъ ревнитель отеческихъ преданій, преуспѣ-

вавший болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ (Фил. III, 5—6; Галат. I, 14); то чѣмъ усерднѣе исполнялъ законъ, чѣмъ неперочнѣе былъ по правдѣ законной, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что онъ дѣлаетъ то, къ чему въ душѣ нѣтъ искренняго влеченія, что исполняетъ законъ только *рабски*, изъ страха предъ карою его (Римл. VIII, 15). Это не то значить, чтобы совѣсть Савла не одобряла закона; напротивъ онъ находилъ въ немъ удовольствіе (Римл. VII, 15. 22),—но дѣло въ томъ, что жившія въ глубинѣ его души наклонности были совсѣмъ иныя, прямо противоположныя требованіямъ закона; прежде не сознаваемые, онѣ, благодаря именно точности, съ какою онъ старался исполнять законъ, выступали въ его сознаніи и какъ бы оживали все съ болѣею и болѣею силою и ясностію, такъ что онъ наконецъ увидѣлъ въ себѣ *только грѣхъ*; понялъ, что въ немъ живетъ не добро, а зло, что онъ нравственно безсиленъ, *крайне грѣшенъ, мертвъ*. Такимъ образомъ законъ, хотя и святой, и праведный, и добрый, только оживилъ въ немъ сознаніе грѣха и въ этомъ смыслѣ далъ ему поводъ къ обольщенію грѣхомъ, такъ что онъ сдѣлался *кроданнымъ* грѣху, рабомъ грѣха (Римл. VII, 9—14). Убѣжденный въ этомъ по собственному опыту св. Ап. Павелъ учитъ о томъ, что и *вся люди безъ изыятія* по природѣ суть чада гнѣва и что Богъ для нихъ, коль скоро они получаютъ правильное понятіе о Немъ, есть Богъ не вождедѣнной милости, а только безусловной правды, не благословенія, а гнѣва и проклятія (Ефес. II, 3).

Извѣстная степень сознанія нравственнаго безсилія и безпомощности исполнить законъ, если законъ извѣстенъ, какъ это было съ еврейскимъ народомъ¹⁾,—или *извѣстная степень* духовнаго голода и томленія и стремленія къ нравственно-лучшему, хотя

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы въ этомъ случаѣ отдѣляемъ законъ отъ *евангелія*, которое, въ видѣ обѣтованія Мессіи, какъ будущаго Спасителя міра, возбуждая къ вѣрѣ въ это обѣтованіе и будучи принято вѣрою, спасало ветхозавѣтныхъ праведниковъ и въ томъ смыслѣ, что служило для нихъ орудіемъ спасающей благодати или силы—къ истинно добродѣтельной и богоугодной жизни.

это лучшее представляется и въ нечистыхъ, смутныхъ нравственныхъ идеалахъ, какъ это было и бываетъ съ языческими народами,—и есть тотъ результатъ, къ которому *всеобщая* или *промыслительная благодать Божія* приводитъ падшаго человѣка путемъ его собственнаго *разума* и *совѣсти*, путемъ его *естественной* и *исторической* жизни,—а вмѣстѣ есть и тотъ моментъ, когда приближается къ человѣку новая для него *особенная* или *христіанская* ¹⁾ благодать, именно благая, евангельская вѣсть о Распятіи и Воскресеніи Праведникѣ!

Какъ еврейскому, такъ и всякому другому народу, евангеліе о Распятіи и Воскресеніи впервые возвѣщается лишь тогда, когда исполняется полнота времени, когда человѣческая совѣсть до извѣстной степени уже созрѣла (2 Кор. IV, 2 — 4). Но только Евангеліе, чрезъ кого бы оно ни возвѣщалось,—обращаетъ эту полусознательную тоску о лучшемъ и это темное стремленіе освободиться отъ своего нравственно-удручающаго состоянія въ ясное сознаніе добра и зла: добра, какъ его понимаетъ Самъ Богъ и какъ оно явилось въ лицѣ Іисуса Христа,—и зла, какъ оно господствуетъ въ человѣкѣ; только Евангеліе даетъ человѣку и дѣйствительную свободу, возстановляетъ дѣйствительную энергію: или осуществить добро, или закосятъ во злѣ. Если апостоль Павелъ вполне созналъ жившее въ немъ зло и свое безсиліе исполнить законъ, то только потому, что этотъ законъ былъ руководителемъ

¹⁾ На мысль объ отличеніи дѣйствій *всеобщей* или промыслительной благодати отъ *особенной*, которую по примѣру учителей церкви можно назвать *евангельскою* или *христіанскою*, наводитъ, кромѣ Св. Писанія, и *Посланіе Восточныхъ Патріарховъ въ 3-мъ членѣ*. О христіанской благодати скажемъ подробнѣе въ послѣднемъ чтеніи. Ученіе о *предваряющей* благодати, какъ оно излагается въ существующихъ у насъ богословскихъ системахъ, обыкновенно смѣшиваетъ дѣйствія *всеобщей* благодати съ тѣми дѣйствіями *христіанской* (призваніе къ покаянію и вѣрѣ во Христа), которыя *предшествуютъ* Таинствамъ. Отсюда цѣлый рядъ противорѣчій между понятіями о благодати съ одной стороны и о частныхъ ея дѣйствіяхъ съ другой. Отсюда же странное, ходячее въ учебникахъ положеніе, что спасающая или христіанская благодать сообщается *только* въ Таинствахъ.

ко Христу; но и Шавель не могъ самъ придти ко Христу, пока самъ Господь не привлекъ его къ Себѣ. Если блудный сынъ ясно созналъ и живо почувствовалъ свое бѣдственное положеніе, то только потому, что онъ уже зналъ жизнь въ домѣ отца и могъ сравнить ее съ распутною жизнію на дальней сторонѣ; какъ онъ *самъ рѣшился* возвратиться къ отцу, это мы увидимъ въ четвертомъ чтеніи. Господь, своею *промыслительною* благодатію, близъ всякаго человѣка всегда и вездѣ; но Евангеліе о спасеніи возвышается только въ опредѣленные времена и даетъ возможность спасенія только тому, кто находится подъ вліяніемъ именно *христіанскаго* благовѣстія.

Поэтому, приступая къ указанію на черты человѣческой нравственности въ земной жизни Христа Спасителя на основаніи Евангелія о Немъ, считаю необходимымъ теперь уже напомнить то, что составитъ содержаніе послѣдняго нашего чтенія, — именно, — что жизнь Иисуса Христа на землѣ отнюдь не есть только *образецъ* добра, *примѣръ* истинно-человѣческой жизни; она есть вѣчно живое *первоначало* и неизсякаемый *источникъ* истинно-человѣческой жизни на землѣ, путемъ прежде всего евангельскаго слова Божія, неотдѣлимаго отъ Духа Божія, проникающій въ падшую человѣческую природу и дающій ей возможность не только вполнѣ сознать, что такое добро и зло, но и *рѣшиться на то или другое* и затѣмъ, въ силу рѣшимости на добро, чрезъ таинства Церкви дѣйствительно возрождающій падшаго человѣка къ истинно-человѣческой нравственной жизни.

Но и какъ образецъ человѣческой нравственности, земная жизнь Спасителя міра можетъ быть разсматриваема только въ условномъ смыслѣ.

Нравственное добро составляетъ, какъ мы знаемъ изъ первыхъ двухъ чтеній, прежде всего субъективныя блага или добродѣтели; всѣ же внѣшнія дѣйствія; равно какъ и объективныя нравственныя блага имѣютъ значеніе нравственно-добрыхъ лишь настолько, насколько онѣ служатъ выраженіемъ субъективныхъ. Такъ и въ

земной жизни Спасителя міра нравственное добро составляют не Его внѣшнія, внѣшнимъ чувствамъ доступныя черты жизни, не Его видимое положеніе въ мірѣ, не Его отдѣльные поступки и слова, а то внутреннее настроеніе, которое выражалось во всей этой внѣшности. Поэтому, говоря о Спасителѣ и какъ образцѣ нравственнаго добра, мы должны понимать слово: *образецъ* не какъ нѣчто, подлежащее внѣшнимъ чувствамъ, не какъ сумму Его внѣшнихъ поступковъ или произнесенныхъ Имъ словъ и изрѣченій, съ которыми бы можно было сообразовать наши слова и дѣйствія, а какъ *совокупность духовныхъ качествъ человеческой природы Богочеловѣка*, поколику эти качества выразились въ Его словахъ и поведеніи. Равнымъ образомъ и подъ *подражаніемъ* Спасителю слѣдуетъ понимать не копированіе, такъ сказать, Его поступковъ, и повтореніе Его словъ, а самодѣтельное, съ помощію благодати Божіей, созиданіе въ себѣ (назиданіе) тѣхъ же внутреннихъ истинно-человѣческихъ свойствъ, которыми, въ недосыгаемомъ конечно совершенствѣ, обладалъ Спаситель міра.

Но и изъ духовныхъ человѣческихъ качествъ не все то свойственно и возможно одному человѣку, что свойственно и возможно другому; человѣческая личность потому между прочимъ и есть лицо, духовная индивидуальность, что она обладаетъ ей только свойственными нравственными качествами, которыя зависятъ не только отъ *свободы каждаго индивидуума*, но и отъ тѣхъ особенностей его тѣлесной природы (темперамента) и отъ тѣхъ врожденныхъ его дарованій, которыя составляютъ ввѣренный ему отъ Бога талантъ. Спаситель же міра, какъ человѣкъ, былъ индивидуумомъ, личностію, въ особенно-глубокомъ смыслѣ этого слова, — не только въ томъ смыслѣ, что по *духовно-физической человеческой природѣ своей* Онъ принадлежалъ своей странѣ, народу, племени, роду и времени, но и болѣе всего въ томъ, что съ Его человѣческою природою была *ипостасно* соединена Его Божественная природа для спасенія всего человѣческаго рода, короче — что Онъ былъ Богочеловѣкомъ.

Какъ историческая человѣческая личность, Спаситель былъ по происхожденію отъ матери еврей, изъ колѣна Іудова, изъ рода Давидова; по призванію среди другихъ евреевъ былъ раввиномъ, хотя и не обучался въ раввинскихъ школахъ, и отъ другихъ раввиновъ отличался не только тѣмъ, что велъ безбрачную жизнь и не имѣлъ никакой недвижимой собственности, но и Ему только свойственными приѣмами въ ученіи и въ обращеніи съ слушателями.

„Если Іисусъ Христосъ“, скажемъ словами одного богослова, „приравниваетъ Себя къ своему народу съ его бѣдствіями и его надеждами и въ томъ отношеніи, что пріемлетъ крещеніе отъ Іоанна, хотя для Себя самого не нуждается ни въ какомъ покаяніи и прощеніи; если Онъ по временамъ запрещаетъ разсказывать о Своемъ Божественномъ назначеніи и Своихъ чудесахъ; если Онъ сначала строго поступаетъ съ Хананеяною, потому что она язычница, и простираетъ ей руку помощи только вслѣдствіе ея трогательнаго смиренія и вѣры; если Онъ, на бракѣ въ Канѣ, Своей Матери, которая тайно сообщаетъ Ему свою заботу о недостаткѣ вина, отвѣчаетъ такими словами, которыя, какъ бы ихъ ни толковать, звучатъ строгостію; если Онъ проклинаетъ смоковницу; если Онъ въ своихъ рѣчахъ не удостоиваетъ объяснять Своихъ словъ, которыя возбуждаютъ соблазнъ и удаляютъ отъ Него слушателей, тогда какъ по нашему мнѣнію было бы, кажется, не трудно скорѣе привлечь, чѣмъ оттолкнуть ихъ (напр. у св. Іоанна, VI-я гл. о хлѣбѣ небесномъ); если Онъ въ нѣкоторыхъ притчахъ выставляетъ одну сторону божественной истины и притомъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, предоставляя размышленію самихъ слушателей понять отдѣльныя изрѣченія Спасителя изъ всей совокупности Его ученія (напр. когда Онъ говоритъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богатому войти въ Царство Божіе; что когда кто ударитъ въ правую щеку, то должно подставить и лѣвую; что должно возненавидѣть отца и мать и пр.); если Онъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма, опрокидываетъ столы и т. под.: то все это развѣ не составляетъ индивидуальныхъ особенностей Спасителя міра, какъ учителя среди другихъ современныхъ Ему учителей еврейскаго народа? — Эти черты не нуждаются въ защитѣ или извиненіи противъ тѣхъ, которые вздумали бы видѣть въ нихъ обнаруженіе какого либо недостатка, напр. гнѣва; мы очень хорошо можемъ усматривать и въ этихъ чертахъ мудрость Господа, Его святыхъ намѣреній; еслибы въ какомъ либо случаѣ мы и не могли объяснить способъ Его дѣйствій, то и тогда мы отъ всего сердца вѣрили бы, что Онъ

Самъ очень хорошо зналъ, почему такъ, а не иначе дѣйствовалъ, и что Онъ во всякомъ случаѣ дѣлалъ только то, что угодно было Отцу Его. Но мы должны согласиться, что такой, а не другой способъ дѣйствія, такое, а не другое поведеніе Господа съ нравственной точки зрѣнія не была безусловно необходимыми, единственно возможными, и что въ нихъ выражались индивидуально-человѣческія свойства Спасителя міра“¹⁾).

Какъ человѣкъ, обладающій всѣми свойствами неповрежденной человѣческой природы, притомъ ипостасно соединенной съ божественною, Онъ не только отъ рожденія былъ чуждъ первороднаго грѣха, но и во всей своей жизни, не смотря на чрезвычайныя искушенія отъ діавола въ пустынѣ и отъ немощей тѣлесной природы среди разныхъ лишеній, особенно среди страданій на крестѣ, никогда не былъ причастенъ какой либо нравственной немощи, дѣйствовалъ всегда только въ согласіи съ волею Божіею и обладалъ безусловно чистымъ нравственнымъ настроеніемъ; притомъ, это настроеніе часто выражалъ въ такихъ, почеловѣчески нравственно добрыхъ, но физически необычайныхъ дѣйствіяхъ, какія далеко превышаютъ человѣческія силы и свойственны только Божественному всевѣдѣнію и всемогуществу (каковы всѣ чудеса Спасителя на благо страждущимъ и Его пророчества). Болѣе того: исполняя религіозныя предписанія Моисеева закона, Онъ въ то же время относится къ нимъ, какъ стоящій выше всякаго законодательства; судить о нихъ полновластно, какъ самъ Законодатель и замѣняетъ ихъ собственными религіозными же учрежденіями; словомъ: являетъ въ своей жизни не только *индивидуально* человѣческія, но и *божественныя* свойства.

¹⁾ Palmer. Moral des Christenthums, Stuttgart, 1864 г. стр. 149—150. Нѣкоторыми мѣстами изъ этого же сочиненія, изъ котораго заимствованы, не въ точномъ впрочемъ переводѣ, вышеприведенныя мысли, мы не дѣлая ссылокъ, пользовались при нижеслѣдующей группировкѣ общезвѣстныхъ подробностей изъ нравственной жизни Христа Спасителя, относящихся преимущественно къ реальной сторонѣ нравственности. Это сочиненіе, за исключеніемъ очень немногихъ страницъ, въ которыхъ сказываются особенности протестантскаго вѣроученія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія интересующихся христіанскимъ правоученіемъ.

Всѣ эти свойства, какъ индивидуально-человѣческія, такъ и божественныя, само собою понятно, не могутъ быть предметомъ подражанія для людей. Только то, что въ этихъ свойствахъ есть человѣчески-нравственнаго, т. е. зависящаго отъ человѣческой свободы Спасителя міра, хотя мы и не можемъ ее мыслить внѣ единенія съ божественною свободою, и въ чемъ заключается сущность человѣческой нравственности, только это человѣчески-нравственное добро, поколику оно выразилось въ жизни Спасителя міра, можетъ служить образцемъ, нравственнымъ требованіемъ и для всякаго другаго человѣка.

Въ такомъ именно смыслѣ Слово Божіе и указываетъ на Спасителя, какъ на образецъ жизни всякаго христіанина, какъ на предметъ подражанія. *Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ (Иисусъ Христъ), долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ*, говоритъ св. Апостоль Іоаннъ (1 Іоанн. II, 6). Въ чемъ же должно состоять это сходство послѣдователя Христова съ своимъ Учителемъ? Не во внѣшнихъ отдѣльныхъ поступкахъ, а единственно во внутреннемъ настроеніи, въ свойствахъ духа, какъ напр. въ мужествѣ предъ врагами истины, кто бы ни были эти враги: такъ св. Ап. Павелъ увѣщаетъ Тимофея къ мужественному исповѣданію вѣры примѣромъ страждущаго Спасителя предъ Понтіемъ Пилатомъ (1 Тим. VI, 12. 13); въ долготерпѣннн въ страданіяхъ, какъ частномъ видѣ мужества: *Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его* (1 Петр. II, 21); въ любви къ ближнему: *живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Себя за насъ* (Ефес. V, 2); *Онъ положилъ за насъ душу Свою, и мы должны полагать души за братьевъ* (1 Іоанн. III, 16); въ готовности служить ближнему: *каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему во благо, къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ* (Римл. XV, 2 — 3); въ смиреніи: *въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусъ: Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Бгу: но*

уничжили Себя самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ чловѣкамъ, и по виду сталъ какъ чловѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной (Филип. II, 5—8). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ идетъ рѣчь о подражаніи не въ томъ или другомъ дѣйстви или въ видѣ страданія Спасителя: кто изъ людей можетъ подражать искупительнымъ дѣламъ, страданіямъ или заслугамъ Богочловѣка?—а въ тѣхъ нравственныхъ качествахъ или аскетическихъ и общежительныхъ добродѣтеляхъ, которыя относятся къ сущности нравственнаго добра во всякомъ чловѣкѣ. *Въ васъ должны быть тѣ же чувстваванія* (тоже внутреннее настроеніе, поколику оно зависитъ отъ вашей свободы), *какія и во Христѣ Исусѣ*: вотъ въ какомъ единственномъ смыслѣ Исусъ Христосъ есть образецъ нравственнаго добра и предметъ подражанія для христіанина!

Поэтому-то какъ ни богаты Евангелія указаніями на отдѣльные поступки и внѣшнія черты Спасителя міра, какъ эти поступки и отдѣльныя черты ни назидательны и ни драгоцѣнны для всякаго христіанина,—Св. Писатели не спѣшатъ ставить ихъ въ примѣръ вѣрующихъ даже тамъ, гдѣ бы это казалось особенно умѣстнымъ; напр. тамъ, гдѣ Св. Апостоль внушаетъ дѣтямъ повиновеніе родителямъ, а родителямъ — заботу о воспитаніи дѣтей, онъ очень кстати могъ бы указать на примѣръ повиновенія Спасителя Своей Пречистой Матери и мнимому отцу и на примѣръ воспитанія Имъ Своихъ учениковъ; но онъ этого не дѣлаетъ. И Самъ Спаситель, наставляя своихъ слушателей, указываетъ имъ въ примѣръ не Свой частныя дѣянія и вообще не столько Себя самаго, сколько другихъ лицъ, напр. Самарянина, младенца, какое либо лицо изъ притчей; посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, не убѣждаетъ ихъ подражать Своей собственной проповѣди, а общаетъ имъ помощь отъ Св. Духа; вообще не такъ ведетъ Себя въ жизни, не такъ говоритъ и дѣйствуетъ, чтобы слушающіе и видящіе Его могли постоянно брать себѣ въ примѣръ отдѣльныя Его слова и поступки.

Есть правда, одно внѣшнее дѣйствіе Спасителя, совершенное Имъ предъ страданіями Своими, о которомъ Онъ Самъ заповѣдалъ, чтобы и ученики Его дѣлали тоже по подражанію Ему, — это умовеніе ногъ ученикамъ; но и это подражаніе Спасителю какъ учениками, такъ и всею Церковію понято не въ буквальномъ смыслѣ, и если совершается доселѣ въ извѣстный день въ году, то не какъ правило практической жизни вѣрующихъ (по крайней мѣрѣ не въ восточныхъ странахъ), а какъ церковный *обрядъ*, какъ *символъ* того *смиренія* и того *человѣколюбія*, которыя выразились въ этомъ дѣйствіи Спасителя.

Обращаясь теперь къ изложенію самыхъ признаковъ и самаго содержанія нравственности въ Лицѣ Христа Спасителя, о которыхъ свидѣлствуетъ намъ Слово Божіе, я убѣжденъ, что просвѣщенное общество не ожидаетъ, чтобы возможно было не только исчерпать и изобразить, но и понять и достойно оцѣнить нравственное величіе Безгрѣшнаго Человѣка, который притомъ есть вмѣстѣ и Богъ нашъ. Есть на западѣ, встрѣчаются и въ нашей литературѣ попытки охарактеризовать земную жизнь Спасителя; какъ на одну изъ особенно замѣчательныхъ можно указать на переведенную съ англійскаго и изданную въ прошломъ году въ Москвѣ жизнь Иисуса Христа—*доктора Фаррара*. Но всѣ эти попытки напоминаютъ древнее сказаніе о живописцѣ, котораго Авгарь, при жизни Спасителя послалъ въ Палестину для снятія съ Него портрета: все что ни успѣвалъ живописецъ изобразить на полотнѣ, оказывалось далеко не похожимъ на Лицъ Спасителя всякій разъ, когда живописецъ снова обращался къ этому Лику,—пока Самъ Господь по снисхожденію къ усердію Авгаря, не отпечатлѣлъ своего нерукотвореннаго образа на полотнѣ, отерши имъ Лицо Свое. Та или другая черта изъ нравственнаго образа Спасителя, конечно, отпечатлѣвается болѣе или менѣе въ тѣхъ или другихъ духовныхъ качествахъ вѣрующихъ,—но полный образъ Его и во всей неизрѣченной славѣ его, едвали вмѣстимъ не только въ умъ и сердцѣ отдѣльныхъ вѣрующихъ, но и во всей земной Церкви Христовой.

Напрасно также пытался бы кто нибудь очертить нравственный характер Спасителя, какъ типъ, какъ идеаль, въ которомъ бы сочетаніе духовныхъ совершенствъ было такъ же своеобразно, какъ въ обыкновенныхъ великихъ людяхъ, у которыхъ извѣстныя совершенства составляютъ выдающуюся черту, другія группируются около нихъ опять въ свойственномъ только этому лицу сочетаніи. И этого мы не видимъ въ Лицѣ Спасителя. Если что можетъ быть названо отличительнымъ признакомъ Его характера, то это Его безгрѣшность и равновѣсіе всѣхъ духовныхъ качествъ, изъ которыхъ каждое представляетъ собою недостижимое для насъ совершенство.

Цѣль моего изложенія признаковъ и содержанія человѣческой нравственности въ Лицѣ Спасителя иная: просто дать понять, что, призывая насъ къ вѣрѣ, къ послѣдованію за Собою и даруя намъ для этого свою Божественную помощь, Господь требуетъ отъ насъ не какихъ нибудь небесныхъ, божественныхъ, а чисто человѣческихъ, въ свойственной] каждому изъ насъ мѣрѣ исполнѣ доступныхъ качествъ, которыя могутъ и должны были бы проявляться въ самой обыкновенной средѣ, въ каждомъ честномъ званіи и трудѣ, въ любомъ кругу семейномъ или общественномъ.

Въ самомъ дѣлѣ что мы видимъ въ человѣческой нравственности Христа Спасителя? Съ формальной стороны—тоже нравственное чувство, тотъ же нравственный законъ, тоже, соединенное съ сознаниемъ этого закона, чувство долга и ту же нравственную свободу, какія мы видѣли и во всякой человѣческой нравственности,—съ реальной: тѣ же субъективныя человѣческія блага или добродѣтели, не отдѣлимые отъ блаженства, которыя, будучи результатомъ свободнаго исполненія нравственнаго закона, составляютъ въ свою очередь силу, совершающую добрыя внѣшнія дѣйствія и производящую тѣ же объективныя блага жизни, какія должны были бы составлять земное благоденствіе всякаго добродѣтельнаго человѣка.

Свящ. Писанію, правда, чужды выраженія: нравственная по-

требность, нравственное чувство, нравственный законъ, нравственная свобода съ ея видами; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя, хотя и немногочисленныя, изрѣченія новозавѣтнаго Слова Божія даютъ основаніе утверждать, что всѣ эти признаки и вмѣстѣ силы нравственнаго добра въ человѣческой природѣ Спасителя міра обнаруживались и развивались нормальнымъ образомъ.

И во первыхъ, что касается до нравственной потребности вообще, какъ врожденной человѣческой природѣ и обнаруживающейся въ чувствѣ добра, предполагающемъ и бессознательное стремленіе къ нему, то (если мы добро назовемъ вообще волю Божию, — требованіемъ того, чего требуетъ Самъ Богъ) существованіе такой потребности въ человѣческой природѣ Иисуса Христа прекрасно выражено имъ Самимъ въ словахъ къ ученикамъ, предложившимъ Ему пищу у Іаковлева колодезя въ Самаріи: *Моя пища*, сказалъ Онъ, *слѣдовательно и Мой голодъ и жажда*, или что то же: *Моя потребность, есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣла Его* (Іоан. IV, 34).

Не смотря на то, что дѣланіе добра составляетъ пищу, слѣдовательно и духовное удовлетвореніе, радость Спасителя, — требованіе этого добра сознается Имъ въ тоже время какъ неотдѣлимое отъ сознанія нравственнаго закона чувство долга. *Мнѣ должно*, говоритъ Онъ, *дѣлать дѣла Пославшаго Меня, пока есть день* (Іоанн. IX, 4); *Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему* (Лук. II, 49).

Изъ этихъ же изрѣченій Спасителя можно уже отчасти заключать, что нравственныя влеченія Его человѣческой природы и требованія Его чувства долга совпадали не только съ Его обязанностями, какъ чрезвычайнаго Посланника въ мірѣ, какъ Искупителя міра, но и съ положительными нравственными требованіями Моисеева закона, для каждаго человѣка, по ученію Спасителя, обязательными *дотолъ, пока не преидетъ небо и земля* (Матѣ. V; 18). *Не думайте*, внушалъ Онъ, *что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить* (—17

ст.). Этотъ законъ, правда, Онъ Самъ исполнялъ и другимъ заповѣдалъ при Его помощи исполнять не такъ, какъ исполняли въ Его время книжники и фарисеи: *если праведность ваша, говорилъ Онъ, не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ; то вы не войдете въ царствіе небесное* (— 20 ст.), но это различіе между іудеями и Имъ въ отношеніи къ Моисееву закону не то означаетъ, чтобы требованія этого закона не были исполняемы книжниками и фарисеями, или чтобы Онъ не считалъ исполненіе ихъ обязательными для Себя, а то, что Онъ лучше ихъ понималъ эти требованія и исполнялъ ихъ не только потому, что такъ предписывалъ *внѣшній* законъ, но и прежде всего потому, что того же требовало *Его внутреннее нравственное настроеніе*. Короче: Спаситель міра обладалъ нравственнымъ *чувствомъ* (слѣдовательно и влеченіемъ), сознаниемъ *внутренняго нравственнаго закона* и, неотдѣлимаго отъ этого сознанія, *чувства долга*.

Но такъ какъ эти внутреннія обнаруженія нравственной потребности человѣческой природы развивались въ Немъ нормально: *Онъ не зналъ грѣха*, какъ свободнаго противонаравственнаго хотѣнія, или дѣйствія (2 Кор. V, 21); то Онъ *не могъ* сознавать чувства *несогласія* своей воли съ требованіями нравственнаго закона; поэтому не могъ имѣть и того, что называется *совѣстію*, подъ которою и въ Словѣ Божіемъ и въ обыкновенномъ словоупотребленіи разумѣется сознаніе чувства не только согласія, но и *несогласія* воли съ нравственнымъ закономъ. Не этимъ ли объясняется то замѣчательное обстоятельство, что не только въ Евангеліяхъ, гдѣ о совѣсти только одинъ разъ упоминается въ отношеніи къ фарисеямъ (у Ев. Іоанна), но и въ посланіяхъ Апостольскихъ, гдѣ это понятіе часто встрѣчается въ смыслѣ и доброй и злой совѣсти,— оно нигдѣ не примѣняется къ лицу Спасителя ¹⁾? Безусловно слѣдуя чистымъ движе-

¹⁾ Это можетъ, конечно, объясниться и тѣмъ, что и въ книгахъ Ветхаго Завета греческіе переводчики нашли только *одно* выраженіе, переведенное ими словомъ *совѣсть*, *συνείδησις* Еккл. X 20. Еще разъ встрѣчается это слово Премудр. Солом. XVI, 10; но эта книга первоначально писана, какъ извѣстно, не на еврейскомъ, а на греческомъ языкѣ. Евреи вмѣсто *совѣсть* говорили: *сердце*.

ніямъ своего нравственнаго чувства, сознанію нравственнаго закона и неотдѣлимому отъ этого сознанія чувству долга, Спаситель во всякомъ частномъ случаѣ жизни каждую возникавшую предъ Нимъ нравственную задачу неуклонно разрѣшалъ согласно съ этимъ чувствомъ, сознаниемъ и закономъ, и не могъ, поэтому, не преусиживать болѣе и болѣе и въ развитіи самаго этого чувства и сознанія и въ пониманіи нравственнаго закона, а со всѣмъ этимъ и во всѣхъ истинно-человѣческихъ добродѣтеляхъ. Совершенно согласно съ ходомъ постепеннаго нормальнаго развитія силъ человѣческой природы, Онъ, по свидѣтельству Слова Божія, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ былъ въ повиновеніи у Матери своей по плоти и мнимаго отца (Лук. II, 51), постепенно преусиживалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ (—52 ст.), такъ и въ последующей земной своей жизни только постепенно приобрѣталъ навыкъ въ добрѣ или добродѣтели; напр. *страданіями навыкъ послушанію, хотя Онъ и Сынъ Божій* (Евр. V, 8) и, бывъ *искушенъ во всемъ кромѣ грѣха, можетъ потому сострадать намъ въ немощахъ нашихъ* (Евр. IV, 15), *можетъ помочь и искушаемымъ* (II, 18). Вообще можно сказать, что подобно тѣмъ совершеннымъ людямъ, у которыхъ чувства навыкомъ приучены къ разумнѣю добра и зла (Евр. V, 14), и Онъ только постепенно *навыкъ въ добрѣ*.

Но гдѣ есть нравственное чувство, сознаніе нравственнаго закона и чувства долга, гдѣ есть постепенность въ развитіи, какъ этихъ чувствъ и сознанія, такъ и навыка къ осуществленію добра, гдѣ есть наконецъ *искушеніе*, какое имѣлъ Спаситель міра въ земной своей жизни не только отъ свойствъ тѣлесной своей природы, источника всякаго рода физическихъ лишеній и страданій, неизбежныхъ среди грѣшнаго человѣчества, но и отъ чрезвычайныхъ дѣйствій діавола,—гдѣ есть одна возможность такого, *не мнимаго, фиктивнаго, а дѣйствительно сознаваемаго искушенія*, тамъ сама собою предполагается человѣческая нравственная свобода, какъ способность *столько же ко злу, сколько и къ добру*, хотя эту

человѣческую свободу въ Лицѣ Спасителя міра, вѣлѣдствіе ипостаснаго единства въ Немъ Божества и человѣчества мы не можемъ мыслить иначе, какъ въ соединеніи съ идеально-доброю свободою. Подобно первому Адаму въ его невинномъ состояніи, и второй Адамъ не могъ не быть свободнымъ, т. е. способнымъ одинаково какъ къ добру, такъ и ко злу ¹⁾. И если первый Адамъ не устоялъ противъ искушенія, осуществилъ свою формальную свободу въ реально-зломъ смыслѣ и подвергъ себя и свое потомство въ рабство грѣху; то второй Адамъ среди искушеній осуществилъ свою свободу въ идеально-добрѣмъ ея смыслѣ и, побѣдивъ грѣхъ со всеми его послѣдствіями для Себя, явился Освободителемъ всего человѣчества отъ рабства грѣху въ земной жизни и отъ всехъ его послѣдствій отчасти въ сей, а окончательно въ новой жизни среди новыхъ условій ея. Свободу Спаситель самъ понималъ только какъ *нравственную*, хотя и не опредѣлялъ ея частныхъ видовъ; именно, когда говоритъ своимъ слушателямъ: *если пребудете въ словѣ Моёмъ: то познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными*. Иудеи поняли слово „свобода“ въ смыслѣ политической свободы и отвѣчали: *мы стѣмя Авраамово и не были рабами никому и никогда*. Но Иисусъ отвѣчалъ имъ: *всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха... истинно свободны будете, если Сынъ освободитъ васъ* (Іоан. VIII, 31—36).

Такимъ образомъ все формальныя свойства нравственности человѣческой въ Лицѣ Спасителя міра, на основаніи Слова Божія, являются въ такой чистотѣ и въ такомъ совершенствѣ, степень которыхъ неизмѣрима для насъ уже потому, что наше нравственное

¹⁾ Неосуществленная пока ни въ добрѣ ни въ злѣ, эта свобода *невиннаго* человека можетъ быть названа *формальною*, въ отличіе, какъ мы замѣтили въ первомъ чтеніи, отъ *реальной и идеальной*. Эта формальная свобода должна быть также принадлежностію и падшаго человека въ тотъ моментъ, когда онъ, подъ вліяніемъ *евангельской* или вообще *спасающей, христіанской благодати* (о чемъ будетъ рѣчь въ послѣднемъ чтеніи), силою этой благодати поставляется въ *дѣйствительную возможность*—или обратиться ко Христу и къ добру, или законснѣ въ прежнемъ злѣ,—возможность, которой онъ безъ помощи *этой именно* благодати, безъ сомнѣнія, лишень.

сознаше не свободно отъ сознанія грѣха, наше нравственное чувство извѣстно намъ только въ формѣ *совѣсти*, тогда какъ Спаситель міра *не зналъ*, слѣдовательно и не сознавалъ въ Себѣ *грѣха*, какъ свободного акта своей воли. Въ этомъ отношеніи Онъ не только какъ Богъ, но и какъ *человѣкъ превышаетъ силы нашего нравственнаго разумнія*.

Проявленіе нравственнаго добра съ его реальной стороны, въ Лицѣ Спасителя міра мы можемъ разсматривать съ тѣхъ же двухъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы разсматривали человѣческую нравственность вообще, подвести только подъ тѣ двѣ категоріи, или подъ тѣ два вида отношеній, въ которыхъ проявляется и развивается содержаніе нравственной потребности человѣческой природы, т. е. отношеній съ одной стороны между духовными и тѣлесными потребностями индивидуальной личности Христа Спасителя; съ другой— между Его индивидуальной личностію и другими личными существами.

Достоинство души человѣческой Спаситель ставитъ безконечно выше достоинства всего матеріальнаго, всего міра (Матѣ. XVI, 26). Это достоинство выражается, какъ мы знаемъ, въ томъ, что она призвана владѣть и пользоваться всѣмъ матеріальнымъ и идеально въ видѣ знанія, эстетическаго образованія и всякаго рода практическихъ умѣній, и реально, какъ орудіемъ и матеріаломъ для удовлетворенія тѣлеснымъ потребностямъ человѣческой жизни,—что душа человѣческая призвана быть властію надъ міромъ и въ этомъ смыслѣ быть духомъ. И то и другое, и реальное и идеальное обладаніе и пользованіе міромъ Спаситель проявилъ въ безчисленныхъ фактахъ земной своей жизни.

Какъ истинный человѣкъ, Онъ усвоивалъ Себѣ знанія, возрасталъ въ премудрости, пріобрѣталъ практическіе навыки, развивалъ энергію своего духа, которая и проявлялась въ неустанной дѣятельности, въ непрерывномъ трудѣ; а какъ ипостасно соединенный съ Божествомъ, Онъ выражалъ это знаніе и эту энергію въ такихъ размѣрахъ, которые превышаютъ человѣческія силы: Онъ зналъ не

только все видимое, но и невидимое, не только настоящее и прошедшее, но и будущее; повелѣвалъ воздуху и водѣ, испѣлялъ болѣзни и воскрешалъ мертвыхъ, Самъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся съ тѣломъ на небо, и такимъ образомъ явилъ въ Себѣ знанія и силу, для которыхъ все матеріальное, всѣ силы и законы природы были только покорнымъ орудіемъ.

Знаніе матеріальной природы, ея силъ и законовъ неотдѣлимо отъ эстетическаго образованія и власть надъ нею была бы безцѣльна, еслибы не выражалась и въ пользованіи ея благами. И мы видимъ, что Спаситель не былъ равнодушенъ къ красотахъ природы и какъ Самъ пользовался ея благами настолько, насколько это служило цѣли Его призванія на землѣ, такъ и другимъ содѣйствовалъ въ обладаніи и пользованіи ими. Земля и ея произведенія доставляли Ему любимый матеріаль для притчей (поле, сѣяніе и жатва, сѣмя горчичное, драгоценный жемчугъ, птицы небесныя, голубь и змій, овцы съ пастыремъ и т. под.); полевая лилія производила на Него впечатлѣніе красоты, какого не могла бы произвести вся роскошь Соломоновыхъ одеждъ; Онъ не только не пренебрегаетъ драгоценнымъ благовоніемъ, которое расточила для Него благодарная любовь помилованной грѣшницы, но и защищаетъ эту трату отъ упрека въ расточительности; чудесами укрощенія бури и волнъ морскихъ, грозившихъ опасностію жизни, безчисленными испѣленіями больныхъ, неоднократнымъ воскрешеніемъ мертвыхъ Спаситель свидѣтельствуетъ, что жизнь и здоровье тѣла, съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ благосостоянія, находятся въ естественной связи съ нормальнымъ достоинствомъ человѣка, что въ ихъ сохраненіи и восстановленіи и выражались преимущественно божественное всемогущество и любовь. На бракѣ въ Канѣ Галилейской Господь удостоиваетъ явить чудо всемогущества своего, чтобы собравшимся на семейное торжество доставить и такое физическое удовольствіе, которое выходило за предѣлы необходимаго удовлетворенія жажды; Онъ защищаетъ учениковъ, въ субботній день удовлетворявшихъ потребности пищи колосьями съ поля; пользуется своимъ всемогуществомъ, чтобы цѣлѣны

тысячи своихъ соплеменниковъ питать хлѣбомъ и рыбою, обыкновенною между ними пищею, и Самъ раздѣляетъ съ ними эту трапезу; въ отношеніи къ удовлетворенію потребности питанія, Онъ такъ далекъ былъ отъ пренебреженія ею, что не отказывался раздѣлять и богатую трапезу съ заслуживающими того соплеменниками и не смущался тѣмъ, что многіе Его называли ядцей и шйцей (Матѳ. XI, 19). Короче: Спаситель являетъ Себя властелиномъ природы въ томъ смыслѣ, что знаетъ ея силы и законы и владѣть ими, сочувствуетъ красотѣ ея, и пользуется ею какъ орудіемъ земнаго благосостоянія; во всемъ же этомъ вмѣстѣ Онъ являетъ нравственное достоинство своей не только Божественной, но и человѣческой природы.

Если же это достоинство, обусловливаемое не однимъ только пользованіемъ земными благами, требуетъ отреченія отъ нихъ во имя другихъ, высшихъ нравственныхъ интересовъ, тогда Спаситель и Самъ являетъ и другимъ заповѣдуетъ строгое самоотверженіе, т. е. опять *полную власть* надъ требованіями душевно-тѣлесной природы своей, а чрезъ нее и надъ самыми внѣшними благами.

Принявъ на Себя изъ любви къ человѣчеству, и для удовлетворенія божественной правдѣ, земное званіе странствующаго учителя, а потому не обладая никакою недвижимою собственностію, не имѣя иногда, гдѣ преклонить голову, нуждаясь по временамъ въ пищѣ и питьѣ, Онъ никогда не смущается заботою объ удовлетвореніи всѣхъ этихъ тѣлесныхъ потребностей: или пріемлетъ то, что Ему добровольно предлагаетъ благодарная любовь къ Нему, или же спокойно переноситъ всякое лишеніе, утомленіе, страданіе. Эта власть надъ всѣми движеніями своей душевно-тѣлесной природы, вызываемыми всякаго рода лишеніями и оскорбленіями,—это мужество, самообладаніе и самоуваженіе выражаются въ ясности, твердости и обдуманности всякаго Его слова, котораго Онъ никогда не измѣняетъ, всякаго поступка, въ которомъ Онъ никогда не имѣетъ нужды раскаиваться; даже тогда, когда наивысшее изъ земныхъ золъ, именно—предсмертная агонія, усиленная самыми позорными

и для грѣшнаго человѣка, мученіями, когда и самая смерть наступаетъ для Него и предатель, окруженный Его врагами, уже приближается къ Нему. — Его ясность и спокойное самообладаніе ни на одну минуту не колеблется; съ сознаниемъ Своего достоинства и вмѣстѣ съ ничѣмъ невозмутимою кротостію Онъ идетъ на встрѣчу Своимъ врагамъ; среди допросовъ и страданій у первосвященниковъ и Пилата говорить или молчить, смотря потому, что признаеть сообразнымъ съ волею Божіею; протестуя противъ оскорбленія, нанесеннаго Ему дерзкою рукою слуги Первосвященника, Самъ отнюдь не выступаетъ изъ блаженнаго состоянія Своей внутренней чистоты и мира; ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ вынудить у Себя ни одного слова, которое бы не отвѣчало Его убѣжденію и которое нужно было бы извинять тяжелыми и необычайными обстоятельствами. Такая ясность и твердость духа, такое мужество въ Спасителѣ не то, конечно, означаетъ, что въ Немъ, подобно стоическимъ мудрецамъ, притуплена была воспримчивость къ страданіямъ или что Онъ хотѣлъ выставлять на показъ Свое равнодушіе къ нимъ, а то, что Онъ, не смотря на всю вопліѣ сознаваемую и испытываемую Имъ безпримѣрную тяжесть мученій, въ Себѣ Самомъ носилъ источникъ высшаго духовнаго счастья, былъ Личностію, духомъ, былъ властію надъ своими душевно-тѣлесными состояніями, однимъ словомъ былъ, такъ сказать, воплощенною аскетическою добродѣтелию, отъ которой не отдѣлимъ внутренней миръ, глубоко внутреннее удовлетвореніе и блаженство, несокрушимыя никакими внѣшними бѣдствіями.

Любовь и правда по отношенію къ другимъ личностямъ и прежде всего къ Богу, какъ Виновнику всякаго бытія и всѣхъ законовъ его, дающія новое содержаніе и новую силу аскетической добродѣтели, являются въ жизни Спасителя также въ совершенствѣ, которое составляетъ вѣчный идеаль для всего человѣчества.

Мысль объ Отцѣ Небесномъ и общеніе съ Нимъ не оставляетъ Спасителя ни на одну минуту Его земной жизни; прославленіе Отца въ мірѣ есть единственная цѣль этой жизни; Его воля — един-

ственный законъ ея во всѣхъ ея обстоятельствахъ, и радостныхъ и тяжелыхъ; вся земная жизнь Спасителя міра, по коликѣ Онъ мыслится по человѣческой Его волѣ, есть ничто иное, какъ одинъ актъ безусловнаго послушанія, безотвѣтной покорности волѣ Отца Небеснаго или лучше: одинъ актъ *выраженія этой воли*. Такимъ образомъ общеніе съ Богомъ или любовь къ Нему, выражающіяся въ безусловной покорности Его волѣ, какъ Творцу и Законодателю Своему, или, что тоже, любовь, не отдѣлимая отъ правды по отношенію къ Нему: вотъ сущность отношенія Спасителя, по Его человѣческой природѣ, къ Отцу Своему, или Его религія. Молитва къ Отцу, поэтому служила для человѣческой природы Спасителя однимъ изъ наиболѣе естественныхъ и безпрепятственныхъ выраженій общенія Его съ Богомъ, наивысшимъ услажденіемъ Его земной жизни въ радостные ея моменты и наилучшимъ утѣшеніемъ и поддержкою въ скорбныхъ ея обстоятельствахъ. Въ самыя тяжелыя минуты Своихъ страданій на крестѣ, когда внѣшняя тьма, тѣлесныя муки и внутреннія страданія соединились, чтобы поколебать сердце Спасителя въ Его преданности долгу, когда Онъ, умирая смертію грѣшника и за всѣхъ грѣшниковъ, не смѣлъ чувствовать близости къ Себѣ Отца Небеснаго и долженъ былъ испытать и это тягостнѣйшее состояніе грѣшнаго человѣчества—сознаніе того, что Богъ оставилъ Его,—и въ эти минуты мысль Спасителя обращена къ Отцу; Онъ воцѣтъ къ Нему, какъ *своему* Богу, и умирая спокойно, передаетъ въ Его руки Свою душу. Болѣе крѣпкой любви къ Богу, чѣмъ самая смерть, и болѣе высокой правды, чѣмъ та, какую исполнила любовь Воплотившагося, принеши Себя въ жертву за грѣхи человѣчества и тѣмъ удовлетворивши Божественному правосудію, человѣческая мысль не можетъ измыслить никакой любви и никакой правды по отношенію къ Богу.

Но любовь и правда по отношенію къ Богу не отдѣлимы отъ тѣхъ же свойствъ по отношенію ко всему, что носить на себѣ образъ Божій, особенно же къ человѣчеству.

Что такое любовь къ людямъ и что она можетъ сдѣлать для

нихъ, объ этомъ мы знаемъ, по слову возлюбленнаго ученика Христа, только въ Лицѣ Иисуса Христа (1 Иоан. III, 17; XVI, 23). Любовь побуждаетъ Его оставить мирное убѣжище въ Назаретѣ и вступить на полный скорбей путь общественной дѣятельности, который несомнѣнно ведетъ къ Голгоѣ; она собираетъ околѣ Него учениковъ, съ терпѣніемъ переноситъ ихъ невѣдѣніе и слабости, обращается прежде всего къ страждущимъ и обремененнымъ, къ грѣшникамъ, мытарямъ и прелюбодѣйцамъ и ко всѣмъ, кто находится въ презрѣніи и униженіи; но не пренебрегаетъ и фарисеями, готова бесѣдовать съ ними и даже раздѣлять ихъ трапезу въ надеждѣ, не поймутъ ли и они часъ спасенія своего; любовь съ одной стороны—благословляетъ дѣтей, радуется съ радующимися, съ другой — плачетъ съ плачущими, исцѣляетъ прокаженныхъ и одержимыхъ злыми духами, воскрешаетъ мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ пораженнымъ скорбію ихъ роднымъ и близкимъ; она ставляетъ Спасителя съ одной стороны понести все на Себѣ, что есть самаго тяжелаго и удручающаго въ жизни грѣшнаго человечества, съ другой—высоко цѣнить, принимать и защищать отъ нареканій самое скромное, но теплое выраженіе привязанности къ Нему, оказываемое ему благодѣтельствованными имъ (Лук. VIII, 44—46). Но эта любовь, выражающаяся во всѣхъ возможныхъ видахъ благожелательности, — въ страданіи и сорадovanіи ближнему, въ милосердіи къ нему и служеніи его благу даже до пожертвованія своею жизнію, — не расточается въ изліяніи чувствованій, въ ласковыхъ словахъ и рѣчахъ, не изобрѣтаетъ искусственныхъ способовъ своего проявленія; и при всемъ томъ какая глубина чувства и вмѣстѣ сколько неподражаемой нѣжности въ прощальной бесѣдѣ Спасителя съ Своими учениками, въ Его попеченіи о Матери среди страданій на крестѣ, въ обращеніи Его съ измѣнившимся Ему Петромъ, по воскресеніи, — въ свиданіи съ Марією!

Но любовь къ ближнимъ, какъ влеченіе къ общенію съ ними въ трудахъ, радостяхъ и скорбяхъ жизни, неотдѣлима, въ своемъ

проявленіи, отъ правды, примѣняется къ обстоятельствамъ и отношеніямъ жизни каждаго изъ нихъ; она не есть слѣпое чувство, вытекающее только изъ тождества сущности духовной природы людей, но есть вмѣстѣ и осмысленное сознаниемъ права и справедливости по отношенію къ нимъ, разумно-оцѣнивающее какъ индивидуальныя свойства и права каждаго изъ нихъ, такъ и общее ихъ благо, и не терпящее въ общеніи съ ними никакой лжи и никакихъ пристрастій.

Объемля собою весь человѣческій родъ, любовь не знаетъ никакого различія между нравственною природою іудея и язычника, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, раба и свободнаго; и однакоже не обращается въ космополитизмъ и отвлеченную гуманность, въ отсутствіе чувства національности и оцѣнки личныхъ качествъ и особенностей. Не смотря на то, что родной народъ не приметъ Спасителя своего, что *не слышенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ*, истинный пророкъ не бѣжитъ тотчасъ изъ отечества за границу, чтобы оттуда бросать камень въ него, или спасти другой народъ; но съ терпѣніемъ переноситъ предразсудки и ожесточеніе, хотя и ослѣпленнаго, но роднаго своего народа; проповѣдуетъ прежде всего ему царствіе Божіе, и для распространенія этой проповѣди въ мірѣ предпочитаетъ медленный, но естественный путь постепеннаго перехода отъ одного народа къ другому. И внутри самаго израильскаго народа не всѣ соплеменники Спасителя пользуются одинаковою степенью довѣрія и близости общенія съ Его стороны; не всякаго, кто приближается къ Нему, Онъ тотчасъ принимаетъ какъ Своего приснаго и друга, но очень ясно отличаетъ тѣхъ, кто рѣшается навсегда соединить свою судьбу съ Его судьбою, или сдѣлаться истиннымъ Его ученикомъ или ученицею, отъ народной массы, которая то притекаетъ къ Нему, то отдаленяется отъ Него. Какъ Своими учениками Онъ дѣлаетъ не всякаго слушателя Своего, такъ и изъ этихъ учениковъ не всякому даетъ полномочіе проповѣдывать Его царство, во имя Его крестить, вязать или разрѣшать грѣхи. Но и среди самыхъ избранныхъ учениковъ Его одни поль-

зуются бóльшимъ, другіе—меньшимъ довѣріемъ и близостию (70 и 12 учениковъ и семейство Лазаря); и изъ ближайшихъ къ Нему только Петръ, Іаковъ и Іоаннъ пользуются преимущественнымъ Его довѣріемъ; наконецъ и изъ этихъ трехъ учениковъ, только одинъ удостоивается особенной Его любви. Такъ *summi sui que*: правда, или, чтó тоже: проявленіе различныхъ степеней и формъ въ самой любви, т. е. въ самомъ общеніи съ ближними, соответствующихъ не одинакому достоинству любимыхъ лицъ; или же на оборотъ: любовь, не отдѣлимая отъ сознанія различныхъ индивидуальныхъ особенностей любимыхъ лицъ, и соответственное съ симъ, такъ сказать, группированіе и организація ихъ въ царствѣ Божіемъ составляетъ существенный элементъ нравственнаго настроенія Спасителя по отношенію къ людямъ.

Гдѣ же правда является въ частности въ формѣ положительнаго права, обычнаго или писаннаго закона, тамъ уваженіе къ этому закону, слѣдовательно и къ юридическимъ правамъ и обязанностямъ каждаго составляетъ и для Спасителя долгъ, которому Онъ, не смотря на то, или лучше именно потому, что Онъ Самъ сознаетъ Себя не только человѣкомъ, но и Господиномъ всѣхъ людей и всѣхъ законовъ въ мірѣ,—повинуется безпрекословно, какъ гражданинъ общества человѣческаго, какъ членъ народа своего. Такъ: искавшихъ у Него суда по вопросу о наслѣдствѣ Онъ приглашаетъ обратиться къ тѣмъ лицамъ, которыя закономъ поставлены судіями въ этомъ дѣлѣ (Лук. XII, 14); испѣленныхъ Имъ прокаженныхъ отсылаетъ къ священникамъ, которые закономъ обязаны освидѣтельствовать тѣхъ, кто послѣ заразной болѣзни можетъ возвратиться въ общество (XVII, 14), вообще: Кесарю заповѣдуетъ воздавать то, что принадлежитъ Кесарю. Но и Богу Онъ и Самъ воздастъ и другимъ заповѣдуетъ воздавать то, что Богу принадлежитъ; исполняетъ всѣ не только ясныя предписанія Моисеева закона, но и тѣ обычаи Еврейскаго народа, которые не были противны откровенному законодательству. Такъ Онъ не только соблюдаетъ съ точностію всѣ требованія Моисеева закона относительно

обрѣзанія, очищенія, жертвъ и омовенія, но и вмѣстѣ со всѣми соплеменниками, слушавшими проповѣдь Іоанна Крестителя и спѣшившими креститься отъ него во Іорданѣ въ знакъ покаянія и вѣры въ настоящее всемірное царство Мессіи,—и Онъ, Царь этого царства, пріемлетъ крещеніе отъ Іоанна, чтобы, если не за Себя, то за все человѣчество исполнить всякую правду. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ, повидимому, отмѣняетъ нѣкоторыя постановленія Моисеева закона, производитъ въ немъ, выражаясь современнымъ языкомъ, реформы, Онъ не нарушаетъ законъ, а только возстановляетъ его смыслъ и силу, а вмѣстѣ съ этимъ возстановляетъ и защищаетъ права Бога и народа, попираемыя книжниками и фарисеями. Называя Себя Господиномъ и субботы напр., Онъ не приписываетъ Себѣ, какъ человѣку, того, что принадлежитъ Богу, а выражаетъ только то, что суббота есть день отдыха и покоя, Самимъ Богомъ назначенный въ пользу трудящагося въ потѣ лица человѣка, есть символъ его примиренія съ Богомъ и людьми, его искупленія и освобожденія отъ всѣхъ золъ земной жизни, и что, лишая народъ этого благословенія Божія, даннаго ему въ субботу, фарисеи восхищаются себѣ право, которое не принадлежитъ имъ, и отнимаютъ его у народа, которому оно дано. Точно также и очищая храмъ отъ торговцевъ и мѣняль, Спаситель не ставитъ Себя на мѣсто Бога и не присвоиваетъ Себѣ божественныхъ правъ, а защищаетъ права Бога и народа на приличіе и тишину въ святилищѣ, безъ которыхъ невозможны общественная молитва и благоговѣйное жертвоприношеніе. Праву же Божественному удовлетворяетъ Онъ, какъ уже сказано, и всего своею земною жизнію, неся на Себѣ ничѣмъ не заслуженныя скорби и страданія, особенно же умирая смертію грѣшника; ибо Богъ, какъ Творецъ, Законодатель и Промыслитель разумной твари, имѣетъ право на свободное ея повиновеніе Его волѣ, которое есть вмѣстѣ и вѣчное благо самой твари, а слѣдовательно и на соотвѣтствующее наказаніе этого, попирающаго волю Божію, созданія; ставъ во главѣ падшаго человѣчества, Спаситель долженъ былъ испить всю чашу страданій

этого человѣчества, чтобы ни одна юта Божественнаго права не осталась неисполненною.

Что касается въ частности до правдивости или вообще до справедливости въ отношеніи къ ближнимъ, то свидѣтельство Апостола, что *не было лести во устахъ Его* (1 Петр. II, 22), подтверждается всѣми рѣчами и всѣмъ поведеніемъ Спасителя въ отношеніи къ ученикамъ Его и ко всему народу. Ни предъ кѣмъ Онъ не скрываетъ и не умаляетъ истинъ, какъ бы ни горька была она для слушателей Его; призывая человѣчество въ Свое царство, Онъ не общаетъ золотыхъ горъ на землѣ, но указываетъ прежде всего на внутреннее блаженство, неразрывно-связанное въ измѣненіемъ злаго направленія воли на доброе, и выставляетъ на видъ земныя жертвы, которыя долженъ принести всякій, кто хочетъ вступить съ Нимъ въ дѣйствительное общеніе; и прежде чѣмъ кто либо рѣшится послѣдовать за Нимъ, предлагаетъ ему подумать, готовъ ли и сподобенъ ли онъ къ этимъ жертвамъ. Тотъ же Спаситель, который такъ любитъ и такъ убажаетъ своихъ ближайшихъ учениковъ, поколику въ нихъ проявляется желаніе слѣдовать за Нимъ, строго обличаетъ ихъ маловѣріе и другіе нравственные недостатки, какъ скоро они открываются въ нихъ; тотъ же Спаситель, который плачетъ съ сестрами Лазаря по сочувствію къ нимъ, не благодарить за сочувствіе къ Себѣ женщинъ, плакавшихъ о Немъ, когда Онъ несъ крестъ на раменахъ Своихъ, но обращаетъ вниманіе на предстоящую имъ и ихъ потомству бѣдственную участь; желая всѣхъ грѣшниковъ привлечь въ Свое общеніе, не щадитъ однако же обличеній ни для вождей народныхъ, для фарисеевъ и саддукеевъ, ни для всего народа. Если же Онъ обращается по преимуществу съ мытарями и грѣшниками и, повидимому, оставляетъ безъ вниманія считающихъ себя праведными, то не по предубѣжденію противъ послѣднихъ и не по пристрастію къ первымъ, а потому, что эти чувствуютъ нужду во врачѣ, которой тѣ не хотятъ сознать и потому остаются неспособными къ возрожденію. Если Онъ произноситъ горе всѣмъ богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся (Лук. VI,

24. 25), то не потому, чтобы ихъ богатство и радости сами по себѣ были предосудительны въ Его глазахъ, а потому, что отдавшійся чувственной и эгоистической жизни, они утратили способность къ духовнымъ сокровищамъ, къ радостямъ мирной совѣсти въ общеніи съ Богомъ, которыя для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Если Онъ, поэтому, вину своихъ соплеменниковъ ставить выше вины Содома и Гоморры, Тира, Сидона и Ниневіи, и если напротивъ незначительное выраженіе искренней любви, оказанное самому малому въ Его царствѣ (Матѣ. X, 12), Онъ обѣщаетъ не оставить безъ вѣчной награды,—то во всемъ этомъ выражается только святая правда, непреложные законы нравственной жизни. Самыя притчи: о работникахъ въ виноградникѣ, получившихъ одинаковую награду, несмотря на то, что одни работали съ ранняго утра, а другіе призваны были уже въ одиннадцатый часъ, или—о получившихъ разные таланты и пріобрѣтшихъ на нихъ не одинаковую прибыль и однако же одинаково награжденныхъ,—притчи, въ которыхъ любовь и правда, повидимому, не мирятся между собою, выражаютъ однако же идею самой строгой справедливости, которая цѣнитъ не количество и не продолжительность работы, не зависѣвшія отъ работниковъ, а готовность ихъ къ работѣ, вѣрность въ ней, послушаніе Божественному зову,—все равно: много или мало оказалось времени или средствъ для этой работы.

Такъ, съ какой бы стороны нравственности ни разсматривалась земная жизнь Спасителя міра, въ ней выражается наивысшее удовлетвореніе общей вѣсѣмъ людямъ нравственной потребности ихъ природы; потому-то Лицо Спасителя міра такъ близко, дорого и священо вѣсѣмъ, въ комъ еще не совсѣмъ погасли истинно-человѣческія, нравственныя стремленія, эти слѣды въ насъ образа Божія; отъ того-то никакія усилія критики, лишенной нравственного чувства, не въ состояніи ослабить неотразимое впечатлѣніе свѣта и жизни, которое вѣсѣтъ о Спасителѣ міра производитъ на отдѣльныхъ людей и на цѣлыя народы.

Куда бы ни проникла и гдѣ бы ни была принята эта вѣсть,

вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ распространяющаяся по землѣ, вездѣ она, оживляя врожденные человѣку задатки нравственныхъ силъ и возбуждая его къ сознанію себя личностію, духомъ, царственною властію надъ всѣмъ матеріальнымъ, постепенно освобождаетъ человѣка отъ рабства слѣпымъ силамъ внѣшней и страстямъ собственной его животной природы, располагаетъ къ совершенствованію самопознанія и знанія законовъ жизни внѣшней природы, къ увеличенію всякаго рода умѣнья въ обладаніи и пользованіи ея благами, возвышаетъ и облагораживаетъ искусство и разрушаетъ въ конецъ суевѣрія, идолопоклонство, многобожіе и вообще господствующій во всемъ языческомъ мірѣ натурализмъ въ религіи. Водворяя же въ сердцѣ человѣка радости чистаго нравственнаго чувства— блаженство мира съ Богомъ и съ собою и представляя всѣхъ людей, какъ дѣтей одного Отца небеснаго, тождественныхъ по сущности своей природы не только между собою, но и съ человѣческою природою Единороднаго Сына Божія и Спасителя міра, христіанское благовѣстіе съ одной стороны даетъ значеніе достоинству каждаго человѣка, какое бы ни занималъ онъ положеніе въ обществѣ, и какими бы ни обладалъ индивидуальными особенностями, располагаетъ всѣхъ къ глубокому уваженію взаимныхъ правъ и обязанностей и тѣмъ полагаетъ прочныя и благотворныя основанія для союза семейнаго и общественнаго; съ другой одушевляетъ людей любовью, простирающеюся до самопожертвованія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ ближняго и всего общества; съ той и другой стороны вмѣстѣ евангеліе вездѣ пролагаетъ путь къ улучшенію участи невинно-угнетенныхъ и нуждающихся, слабосильныхъ и больныхъ и окончательно уничтожаетъ рабство, въ какія бы общественныя отношенія оно ни проникло: между побѣдителями и побѣжденными народами, или между богатыми и бѣдными классами одного и того же народа, или между мужемъ и женою, или между родителями и дѣтьми.

И какъ бы долго ни продолжалось существованіе рода человѣческаго въ настоящихъ земныхъ условіяхъ, вѣсть о Спасителѣ

міра, а съ нею и обновленіе всегда раждающихся съ злыми наклонностями поколѣній будетъ продолжаться до скончанія вѣка. Исполнивъ всю волю Отца Своего для искупленія человѣчества и Своею жизнію побѣдивши смерть, Спаситель *предстоитъ* нынѣ, по выраженію св. апостола Павла, *предъ Лицемъ Божиимъ*, какъ *стичный Первосвященникъ*, какъ *Ходатай Новаго Завета* (Евр. IX, 15. 24. I, 3), Своимъ ходатайствомъ и силою ниспосланнаго Имъ отъ Отца Святаго Духа, непрестанно обновляющій человѣчество.

Какъ совершается обновленіе отдѣльнаго человѣка, или что тоже: какъ онъ дѣлается христіаниномъ, — отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣтъ быть предложенъ въ слѣдующемъ чтеніи, которое будетъ и послѣднимъ.

Чтеніе четвертое:

ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣчествомъ при дѣйствіи благодати: а) призывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ.

Мм. Гг.

Приготовляя вниманіе ваше къ сегодняшнему отвѣту на вопросъ—что значитъ быть христіаниномъ, въ третьемъ чтеніи я съ одной стороны указалъ: на свободное самопорабощеніе падшаго человѣчества эгоизму и чувственности; на утрату въ немъ не только нравственнаго чувства, но и дѣйствительной свободы, одинаково сильной какъ къ добру, такъ и ко злу; на утрату или поврежденіе, вслѣдствіе этого, самого понятія о добрѣ и злѣ, какъ о свободно созидаемомъ и неотъемлемомъ отъ человѣка духовномъ настроеніи, и наконецъ на бѣдствія индивидуальнаго и общественнаго существованія, какъ на неизбѣжное проявленіе нравственно-испорченнаго внутренняго настроенія человѣка; съ другой же стороны я попытался обозначить основныя черты человѣчески-нравственнаго добра и совершенства въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя, насколько

онѣ могли проявиться въ условіяхъ земной жизни среди нравственныхъ и матеріальныхъ бѣдствій человѣчества и ради спасенія его, — и заключилъ чтеніе указаніемъ на то, что Спаситель нашъ, явивши Собою нравственное добро на землѣ, какъ его понимаетъ самъ Богъ, и, принеши Себя, какъ чистую, непорочную Жертву вѣчному Правосудію за грѣхи человѣчества, предстоить нынѣ и человѣческому своею природою одесную престола величія на небесахъ, предъ Лицемъ Божиимъ, какъ вѣчный Ходатай и Первосвященникъ, очищающій грѣхи и обновляющій жизнь всякаго вѣрующаго въ Него.

Своею жизнію на землѣ, смертію, воскресеніемъ, вознесеніемъ на небо, ниспосланіемъ Св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы, основаніемъ Церкви и Своимъ вѣчнымъ ходатайствомъ за нее предъ Лицемъ Бога, Христосъ Спаситель, и какъ человѣкъ и какъ Единородный Сынъ Божій, открылъ земному человѣчеству всю о немъ волю Божию; указалъ ему тотъ единственный путь, который для него есть вмѣстѣ и вѣчная истина и истинная вѣчная жизнь; уготовалъ трапезу, брачный пиръ, царствіе, къ которому съ тѣхъ поръ не перестаетъ призывать, по Своему изволенію и въ благопріятное для того время, то тотъ, то другой народъ, то того, то другаго отдѣльнаго человѣка, для ихъ единственно-возможнаго счастья на землѣ и для вѣчнаго блаженства на небѣ, — и это призваніе будетъ продолжаться дотолѣ, пока не наполнится весь домъ божественнаго Домовладыки міра — Его Церковь на землѣ.

*Чтобы быть христіаниномъ, для этого прежде всего надобно быть призваннымъ къ жизни по образу Христа въ общеніи съ Нимъ и Его послѣдователями: къ Церкви Христовой, къ земному царствію Христову. Мы всѣ уже имѣемъ счастье быть призванными къ этому. Самое названіе общества послѣдователей Христовыхъ: *Εκκλησία*, — на томъ языкѣ, на которомъ преимущественно апостолы призывали людей къ царствію Божию, — означаетъ общество именно *призванныхъ*. Что же выражается этимъ словомъ: *призваніе*?*

Чтобы понять, что это за дѣйствіе, будемъ помнить, что оно

первоначально обращено было и доселѣ, когда дѣло идетъ о вступленіи въ Церковь невѣрующихъ, обращается только къ тѣмъ, кто внѣ Церкви и кто не позналъ еще Спасителя. Св. апостолы—эти самовидцы и служители Слова, которое отъ вѣка было у Бога, когда они въ день Пятидесятницы удостоились даровъ Св. Духа и когда, кромѣ нихъ и ихъ немногочисленныхъ друзей, весь міръ состоялъ не изъ христіанъ, а изъ іудеевъ и язычниковъ, обратились съ призваніемъ именно къ этимъ іудеямъ и язычникамъ. Что же значило для іудеевъ и язычниковъ быть призванными къ Царствію Христову?

Это означало услышать *Евангеліе*, благу ю вѣсть—проповѣдь о Распятомъ и Воскресшемъ, съ какою напр. св. ап. Петръ обратился къ іудейскому народу тотчасъ по сошествіи Св. Духа на апостоловъ, и какую потомъ апостолы, какъ устно, такъ и чрезъ посланія, какъ словомъ, такъ и дѣломъ, не переставали распространять въ теченіе всей ихъ жизни;—ту же самую проповѣдь, которая и до нынѣ слышится въ словѣ и жизни не только истинныхъ учителей и служителей церкви, но и всякаго живаго христіанина. Это означало слышать, что есть живой, личный Богъ, котораго люди забыли и потому гибнуть и нравственно и матеріально; что Онъ не помнитъ болѣе преступленій человѣчества и не хочетъ его погибели, но хочетъ всѣмъ спастись и въ разумъ, пониманіе истины придти; что Онъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго отдалъ въ очистительную жертву за грѣхи міра; что въ жизни этого Сына на землѣ явилось добро, какъ его понимаетъ Самъ Богъ, и побѣждено зло, какъ его создало въ себѣ человѣчество; что отдавшись водительству этого Сына и ниспосланнаго Имъ отъ Отца Святаго Духа, человѣкъ и на землѣ найдетъ жизнь, полную глубокой отрады, внутреннее царствіе Божіе, къ которому всѣ прочія земныя блага приложатся сами собой, и въ будущей жизни раздѣлить съ Своимъ Спасителемъ славу Его блаженнаго безмертія.

Быть призваннымъ значитъ по волѣ Божіей оказаться въ сфе-

рѣ дѣйствія евангельской проповѣди, въ сферѣ *оглашенія* — живаго слова о Богѣ и Его дѣлахъ, о человѣкѣ въ его настоящемъ состояніи и будущей судьбѣ, и обо всемъ домостроительствѣ нашего спасенія;—въ числѣ тѣхъ *оглашенныхъ*, но еще некрещенныхъ, о которыхъ до сей поры въ церкви слышатся молитвы за литургією оглашенныхъ, и которые, какъ еще не оправданные и не освященные не могутъ участвовать въ великихъ Таинствахъ Церкви.

Слово Божіе, Евангеліе, благая вѣсть о Распятіи и Воскресшемъ, чрезъ кого бы она ни доходила до слуха невѣдущихъ Бога, чрезъ апостоловъ ли, или чрезъ всякаго живаго христіанина при его сношеніяхъ съ нехристіанами, *есть первое орудіе той божественной силы*, которую мы назвали *особенною*, или *христіанскою благодатію*, благимъ, ничѣмъ со стороны человѣка не заслуженнымъ и независящимъ отъ его воли *даромъ*¹⁾. Достигая до слуха людей, оно есть не звукъ только, но, какъ говоритъ самъ Спаситель, *духъ и жизнь* (Іоан. VI, 63), или какъ говоритъ св. ап. Павелъ, *есть мечъ духовный*, живое и дѣйственное явленіе силы (Еф. VI, 17); *оселяясь въ насъ обильно* (Кол. III, 16), пребывая въ насъ (Іоан. VI, 38), оно есть *сѣмя*, изъ котораго, по слову Спасителя, вырастаетъ царствіе Божіе (Матѣ XIII,—сн. 1

¹⁾ Еврейское *гени*, *гесетъ*, греческое *χάρις*, латинское *gratia* имѣли довольно разнообразное значеніе въ древнемъ еврейскомъ и классическомъ мірѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ слово: *благодать* — получило двоякое значеніе: а) *божественнаго свойства* б) *божественнаго дара или силы, дѣйствующей ко спасенію*. Дѣйствія *благодати въ силу заслугъ Искупителя, какъ спасающей силы Божіей* или какъ *дара Св. Духа*, независимаго и отличнаго отъ духовныхъ силъ самого падшаго человѣка,—отъ его разума, свободы и совѣсти, и разумѣются здѣсь, гдѣ идетъ рѣчь объ орудіяхъ *христіанской благодати*, въ отличіе отъ *всеобщей или промыслительной благодати*, которой мы коснулись въ третьемъ чтеніи. Этихъ понятій, кажется, не разграничиваетъ и преосв. Теофанъ, глубже всѣхъ нашихъ богослововъ касающійся вопроса объ отношеніи благодати къ свободѣ въ падшемъ человѣкѣ. Познакомившись съ его сочиненіемъ: «Путь ко спасенію», я съ радостію встрѣтилъ въ немъ многія мысли, которыя считалъ за правильныя. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей съ глубокою благодарностію къ автору привожу буквально въ этомъ чтеніи.

Іоанн. III, 9), и оно-то прежде всего *роднитъ* нашъ духъ съ духомъ Христовымъ (Матѣ. XII, 41 — 50); оно-то, слово истины, прежде всего и *очищаетъ и возрождаетъ насъ* (Іоан. XV, 3; Іак. I, 18) и низводитъ на насъ Духа Святаго (Галат. III, 2); потому-то и христіане называются *возрожденными не отъ тлѣннаго стѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкъ; а это и есть то слово*, говоритъ св. Апостоль, *которое вамъ проповѣдано* (1 Петр. I, 23—25). Коротче сказать: *оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему* (Римл. I, 16). И гдѣ нѣтъ дѣйствія этой силы, гдѣ нѣтъ слова о Христѣ и гдѣ нѣтъ слышавшихъ это слово, тамъ нѣтъ и никакого призванія ко Христу: *какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго* (Римл. II, 14)?

Что же производитъ евангельское слово въ челоувѣкѣ, невѣдущемъ Христа, призываемомъ ко Христу? На это можно было бы отвѣтить прямо: *покаяніе и вѣру*; потому что первыя слова какъ Іоанна Крестителя были: *покайтесь... се Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра* (Матѣ. III, 2; Іоан. I, 29), такъ и Спасителя: *покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе; приблизилось Царствіе Божіе* (Марк. I, 15)! Но прежде, чѣмъ говорить о покаяніи и вѣрѣ, мы не должны забывать, что челоувѣкъ самъ по себѣ не можетъ ни каяться, ни вѣровать *во Христа*, и притомъ каяться и вѣровать такъ, какъ должно; такъ какъ его нравственное чувство не чисто, его инстинктивное влеченіе къ добру ослаблено, его свобода, воплощенная во злѣ связана имъ въ отношеніи къ добру.

На эти-то внутреннѣйшія силы нашего духовнаго существа, на врожденное, но собственною свободою обезсиленное, влеченіе къ добру, на нравственное чувство, какъ проявленіе этого влеченія, прежде и вліяетъ слово Божіе: *никто не можетъ придти ко Мнѣ, говоритъ Спаситель, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня* (Іоан. VI, 44), если не привлечетъ именно тогда, когда Посланный уже явился въ мірѣ. Вотъ это-то влеченіе ко

Христу, при Его личномъ явленіи или при словѣ о Немъ, влеченіе пока безсознательное, но тѣмъ не менѣе *дѣйственное*, и составляетъ тотъ *новый мотивъ въ природѣ падшаго человѣка*, который даетъ его свободѣ, поращенной злу, дѣйствительную возможность не только бороться съ этимъ зломъ но и побѣждать его. Что это влеченіе оживаетъ подѣ дѣйствіемъ слова Божія, это мы видимъ изъ примѣра напр. Лидіи, женщины изъ города Фиаіиръ (Дѣян. XVI, 13, 14). Ей пришлось, или лучше, Господь далъ ей случай слышать разговоръ св. ап. Павла о Христѣ съ собравшимися въ молитвенномъ домѣ этого города другими женщинами; и когда она слушала, Господь, по замѣчанію Апостола, *отверзъ ея сердце внимать* тому, что говорилъ Апостоль; вниманіе къ слову есть слѣдствіе возбужденнаго влеченія къ тому, о чемъ говорится. Это влеченіе отозвалось въ Лидіи чувствомъ, интересомъ къ словамъ истины, къ которымъ затѣмъ приковалось и ея вниманіе, ея мысль. Но такъ какъ въ падшемъ человѣкѣ зло срослось съ его существомъ, и всякое оживленіе нравственнаго влеченія и чувства должно производить на злое настроеніе впечатлѣніе, похожее на прикосновеніе къ глубочайшей, смертельной ранѣ въ умирающемъ организмѣ, то мы и видимъ, что когда сила слова Божія обращаетъ вниманіе человѣка на его зло, то сердце его исполняется мучительныхъ чувствованій, какъ бы пронзается болью, какъ *прободены или пронзены* были этимъ словомъ *насквозь* сердца іудеевъ слушавшихъ проповѣдь св. ап. Петра по сошествіи Св. Духа ¹⁾ и они спрашивали: „что намъ дѣлать, мужіе — братіе?“ Когда же вниманіе словамъ Божиимъ обращается наоборотъ — на тѣ блага, которыя открываются намъ въ Сынѣ Божіемъ, — то сердца людей *радостно горятъ*, какъ горѣли сердца учениковъ, шедшихъ въ Эммаусъ, когда неузнанный ими Спаситель говорилъ съ ними во время пути и изъяснялъ писанія (Дук. XXIV, 32).

Но если влеченіе человѣческой природы къ добру усилено, нравственное чувство и совѣсть оживлены, то и умъ человѣка или

¹⁾ Слушатели *κατενόησαν τῆ καρδίᾳ*. — Дѣян. II, 37.

его мысль, поколику она освѣщена съ одной стороны этими внутренними состояніями, съ другой — предметомъ или содержаніемъ слова, возбуждающимъ эти состоянія, не можетъ не сдѣлаться особенно воспримчивымъ къ уразумѣнію и усвоенію слова. Вотъ почему и св. Писаніе къ дѣйствіямъ слова евангельскаго относитъ не только *влеченіе* чловѣка ко Христу, не только *отверстіе* его *сердца* ко вниманію слова, но и *отверстіе* его *очей*, или, что тоже, ума, какъ способности различенія свѣта отъ тьмы, добра во всей его красотѣ отъ зла во всемъ его безобразіи. *Я теперь посылаю тебя*, говорятъ Савлу явившійся ему на пути въ Дамаскъ Спаситель, *къ язычникамъ открыть глаза имъ, чтобы они обратились отъ (духовной) тьмы къ свѣту и отъ власти сатаны къ Богу и втрою въ Меня получили прощеніе грѣховъ и жребій съ освященными* (Дѣян. XXVI, 12—18).

Если мы припомнимъ, что нравственная свобода не мыслима безъ нравственнаго чувства, указывающаго въ свою очередь на бессознательное нравственное влеченіе, и что такая свобода утрачена въ падшемъ чловѣкѣ, осуществившемъ ее больше въ злѣ, чѣмъ добрѣ: то всѣ измѣненія, совершаемыя призывающею евангельскою благодатію въ нравственной природѣ падшаго чловѣка, независимо отъ участія его собственной воли, вмѣстѣ взятыя, могутъ быть названы возстановленіемъ свободы падшаго чловѣка. *Влеченіе* Отца къ Сыну при явленіи Его или *чрезъ слово* о Немъ, *отверстіе сердца и отверстіе очей ума*, совершаемыя въ падшемъ чловѣкѣ призывающею благодатію помимо и независимо отъ его воли, и есть возстановленіе всѣхъ условій для новаго направленія истинно свободной дѣятельности чловѣка. *Если Сынъ освободитъ васъ*, говоритъ Спаситель, *освободитъ именно чрезъ слово, то истинно свободны будете* (Іоан. VIII, 31. 36. 37). „Въ моментъ воздѣйствія благодати“, говоритъ одинъ изъ отечественныхъ богослововъ, „чловѣкъ хорошо *видитъ все безобразіе свое* внутри, и не только видитъ, но и *чувствуетъ*... Его *грызетъ совесть*... Но тутъ же дается ему нѣкоторое *ощущеніе и сладость*...

сти жизни въ Богѣ. Если не дать сего, — сладость грѣха, какъ уже извѣданная, сильнѣе влекла бы его къ себѣ, нежели добро, и выборъ бы падалъ не на сторону сего послѣдняго, какъ и бываетъ въ задумываніяхъ перемѣниться *безъ благодатнаго возбужденія.* Ибо то общій законъ: *ignoti nulla cupido*, т. е. чего не знаешь, того и не желаешь. Но когда въ благодатномъ возбужденіи дается ему вкусить сладость добра, то оно *начинаетъ привлекать его къ себѣ, какъ уже извѣданное, вѣдомое и ощущаемое*. — Короче: цѣль возбужденія благодатнаго и *сила его въ томъ, что оно извлекаетъ человѣка изъ узъ грѣха и поставляетъ его на точку безразличія между добромъ и зломъ... Въсы воли нашей, въ которыхъ она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны стоять теперь въ уровень... Возбужденный поставляется благодатию въ среднее между грѣхомъ и добродѣтелию состояніе... Чѣловѣкъ стоитъ теперь точно между двумя распутіями и ему предлежитъ рѣшительный выборъ ¹⁾.*

Вотъ что значить для человѣка быть *призваннымъ* ко Христу словомъ божественной истины! Но очевидно, что это *значитъ не сдѣлаться христіаниномъ, а только получить способность къ тому.* Это состояніе человѣка подъ вліяніемъ благодати есть то состояніе блуднаго сына въ евангельской притчѣ, когда онъ, умирая съ голоду за недостаткомъ и той пищи, которою питались нечистыя животныя, вспомнилъ объ отеческомъ домѣ и о довольствѣ, которымъ наслаждаются тамъ даже наемники. Онъ вспомнилъ ²⁾, повязка съ его глазъ спала, его сердце согрѣлось при

¹⁾ «Путь ко спасенію» краткій очеркъ аскетики соч. еп. Теофана. Изд. 3. 1875 г. стр. 138, 139.

²⁾ Это невольное воспоминаніе не то означаетъ, что падшій человѣкъ можетъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и вѣшнихъ бѣдствій, самъ догадаться, какъ хорошо жить въ домѣ Отца небеснаго и какъ возвратиться туда, а очевидно то, что *откровенное слово Божіе указываетъ* ему на эту жизнь и даетъ возможность оцѣнить ее по сравненію съ его бѣдствіями, которыя подъ вліяніемъ евангелія и сами сознаются живѣе и правднѣе. Чтобы каяться и вѣровать, для этого необходима вѣшняя и внутренняя возможность къ тому; поколику эта возможность есть чистый даръ благодати, призывающей ко Христу, пото-

этомъ воспомнаніи, энергія оживилась; но рѣшится ли онъ возвратиться къ отцу? Или: это состояніе походитъ на состояніе спавшаго тяжелымъ, полнымъ страшныхъ грезъ, сномъ больного чловѣка, который утромъ подъ вліяніемъ лучей свѣта невольно открываетъ глаза и — долженъ бы теперь встать. Встанетъ ли онъ?... Въ такое-то состояніе, конечно, поставлены были явленіемъ Мессіи все тѣ іудеи, къ которымъ обращены послѣднія для нихъ на землѣ слова Спасителя: *вы не захотѣли, и потому оставляется вамъ домъ вашъ пусть* (Матѳ. XXIII, 37. 38). Самому чловѣку призывающая благодать предоставляетъ рѣшить свою участь: или возвратиться къ Отцу—*обратиться*, или *ожесточиться*, коснѣть во грѣхахъ.

Куда же обратиться? Въ чемъ состоитъ *обращеніе*? Въ *покаяніи* и *вѣрѣ*, или однимъ словомъ—въ *покаянной вѣрѣ*.

Все содержаніе слова Божія, какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго, вліяя на все силы чловѣческаго духа, не иное можетъ *вызывать свободное его воздѣйствіе*, какъ только совокупность такихъ *внутреннихъ движеній* мысли, чувства и воли, которыя составляютъ или: *покаяніе и вѣру*,—или: *ожесточеніе во злѣ и невѣріе*.

Добро, требуемое вѣтхозавѣтнымъ закономъ, осуществленное въ истинномъ духѣ жизни Спасителя міра, побѣдившее въ Его Лицѣ смерть и прославленное Отцемъ небеснымъ, когда оно чрезъ слово освѣщаетъ нравственное сознаніе падшаго чловѣка, то освѣщаетъ какъ всю глубину и порочность его *настроенія*, такъ и всю массу содѣянныхъ имъ злыхъ *внѣшнихъ поступковъ*; а вмѣстѣ съ этимъ даетъ ему чувствовать и сознавать какъ то, что все это зло есть дѣло его свободы, такъ и то, что требованія нравственныя суть требованія Личнаго, Всесильнаго, и Всеправеднаго Бога, предъ Которымъ онъ теперь оказывается безъизвинительнымъ, безответнымъ.

лику и само покаяніе и сама вѣра суть *даръ Божій, благодать*; но это отнюдь не значить, чтобы каился и вѣровалъ не *самъ* чловѣкъ, или чтобы благодать *за него* могла производить то, что свойственно только *истинному* чловѣку.

Если призываемый не бѣжитъ, не отворачивается отъ этого свѣта, — а напротивъ желаетъ находиться подъ его вліяніемъ, то исполнѣ понятно, какъ въ немъ подъ дѣйствіемъ благодати возникаютъ и возрастаютъ: страхъ предъ *божїимъ правосудїемъ* и ожиданіе близкихъ—временныхъ, и отдаленныхъ—вѣчныхъ, бѣдствій; презрѣніе *къ себѣ*, потому что самъ былъ виною своего нравственнаго развращенія; *стыдъ предъ другими людьми*, потому что самъ сдѣлался поношенїемъ челоуѣковъ и уничиженїемъ людей; наконецъ чувство *собственного нравственнаго безсилія и безпомощности* выйти изъ своего нравственнаго состоянїа довершаетъ внутреннее потрясенїе челоуѣка; онъ и хотѣлъ бы теперь сдѣлать свои дѣла несдѣланными, но они уже не въ его власти; хотѣлъ бы съ корнемъ вырвать изъ себя самаго живущее въ немъ злое настроенїе, но оно органически срослось со всѣмъ духовнымъ существомъ его; хотѣлъ бы нравственно умереть, чтобы возстать въ лучшемъ состоянїи, но это выше его силъ. *Я умираю*, съ голоду, говорилъ въ этомъ состоянїи блудный сынъ (Лук. XV, 17). *Что сотворимъ*, спрашивали въ этомъ состоянїи слушавшіе обличенїа Іоанна Крестителя; *что сотворимъ*, повторяли потомъ іудеи, слушавшіе проповѣдь Ап. Петра (Лук. III, 10. 12. 14. Дѣян. II, 37).

Вотъ въ этомъ-то состоянїи, которое близко къ отчаянїю, благодать Божїа, если *призываемый не бѣжитъ отъ слова Божїа*, а желаетъ оставаться подъ его вліяніемъ, какъ роса небесная падаютъ на сухую почву его сердца евангельскїа слова вѣчной Правды и Любви: *блаженны нищїе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное; блаженны плачущїе, ибо они утѣшатся; блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю; блаженны алчущїе и жаждущїе правды, ибо они насытятся*. Въ духѣ челоуѣка возникаетъ *предрасположенїе къ той первой истинно. христіанской религіозной добродѣтели*—основанїю покаянїа, которая называется *смиренїемъ* и которая, ограждая грѣшника отъ отчаянїа, дѣлаетъ для него возможною искреннюю *молитву* о помощи; будучи уже само по себѣ живымъ *противочувствїемъ* какъ эгоизму,

такъ и всѣмъ тѣмъ *чувственнымъ* страстямъ, которыми обыкновенно питается эгоизмъ и ради которыхъ извращаетъ свои отношенія къ другимъ, смиреніе, чѣмъ болѣе углубляется, тѣмъ болѣе сопровождается самоосужденіемъ, страхомъ предъ Богомъ и молитвой къ Нему о Его помощи, и тѣмъ болѣе расшатываетъ связывающія человѣка эгоистическія и чувственныя узы; обаяніе зла мало по малу исчезаетъ, напротивъ болѣе и болѣе обнажается его безобразіе, которое и начинаетъ возбуждать къ себѣ отвращеніе, омерзеніе; духовная фізіономія я—падшаго человѣка, доселѣ покрытаго и обезображеннаго страстями, такимъ образомъ начинаетъ свѣтлѣть нѣкоторыми истинно человѣческими чертами, которыя тѣмъ болѣе обозначаются, чѣмъ болѣе сѣмя слова Божія западаетъ въ глубь духа и чѣмъ болѣе оно обращаетъ его къ Богу.

Указывая на Бога, какъ на Судію и Мздовоздателя, Евангельская проповѣдь указываетъ на Него и какъ на Отца всеблагаго, и на Его Единороднаго Сына, какъ на превышающую всякій умъ Жертву, принесенную въ умиловленіе Правдѣ Божіей за грѣхи всего міра; и на торжество добра надъ зломъ, явленное въ воскресеніи, вознесеніи на небо и сѣденіи Спасителя одесную Отца,—и на св. Духа Утѣшителя, Своимъ наитіемъ всегда готоваго даровать сердцу человѣка сладость мира съ Богомъ и самимъ собою,—и энергій его я—силу для полнаго торжества надъ зломъ со всѣми его послѣдствіями и во времени и въ вѣчности. Указывая на все это, Слово Божіе говоритъ человѣку: *только вѣруй въ Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и домъ твой* (Дѣян. XVI, 31). *Покаяніе* вводитъ уже падшаго человѣка въ жизнь вѣры (Дѣян. XI, 18); оно есть уже признакъ этой жизни; ибо оно также не отдѣлимо отъ вѣры, какъ правильное пониманіе зла и отвращенія къ нему не отдѣлимо отъ такого же пониманія добра и влеченія къ нему, какъ понятіе о Богѣ Всесильномъ и Праведномъ неотдѣлимо отъ понятія о Немъ, какъ о Всеблагомъ и Милосердомъ, какъ проповѣдь о Распятомъ не отдѣлима отъ проповѣди о Воскресшемъ, какъ

слово Спасителя и Апостоловъ: „покайтесь“,—не отдѣлимо отъ другаго: „и вѣруйте въ Евангеліе“.

Вмѣстѣ съ углубленіемъ сознанія зла въ себѣ и своего нравственнаго безсилія и ничтожества, вмѣстѣ съ усиленіемъ самоосужденія и страха предъ Правосудіемъ Божиимъ, въ призываемомъ, подѣ влияніемъ Евангельской благодати, возрастаетъ сознаніе величія и прывлекательность красоты добра, *какъ оно явилось въ жизни Иисуса Христа съ Его побѣдою на вѣсѣ послѣдствіями грѣха: надѣ смертію, влияніемъ злыхъ духовъ и надѣ вѣчными мученіями; а вмѣстѣ съ этимъ заражается и вѣра въ Сына Божія въ различныхъ смыслахъ сего слова: и 1) въ смыслѣ довѣрія* Его словамъ и дѣламъ, какъ правдивымъ, искреннимъ, непреложнымъ. Такое довѣріе называется на языкѣ школы *вѣрою историческою*. О такой вѣрѣ говоритъ напр. Спаситель Никодиму: *если Я сказалъ вамъ о земномъ и вы не вѣрите, какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ* (Іоан. III, 12); такъ же понимаетъ вѣру Евангелистъ, когда говоритъ о Спасителѣ, что Онъ не ввѣрялъ Себя тѣмъ многимъ, которые *только изъ-за Его чудесъ утверждали во имя Его* (Іоан. II, 23). 2) Въ смыслѣ непоколебимой надежды на помощь Божию и на исполненіе обѣтованій Божіихъ: такую вѣрою, по словамъ св. Ап. Павла, ветхозавѣтные праведники побѣждали царства, получали обѣтованія, укрѣплялись въ немощи, были крѣпки на войнѣ и пр. (Евр. XI гл.); въ частности надежды на помощь чудодѣйственную: *имѣйте вѣру Божию. Ибо истинно говорю вамъ: если кто скажетъ гортъ сей: подвинься и свернись въ море, и не усумнится въ сердце своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его, будетъ ему, что ни скажетъ* (Марк. XI, 22. 23);—надежды, въ особенности, на спасеніе благодатию: мы вѣруемъ, говоритъ св. Ап. Петръ, что благодатию Господа Иисуса Христа (а не исполненіемъ ветхозавѣтныхъ религіозныхъ обрядовъ) спасаемся (Дѣян. XV, 11); на конецъ 3) въ смыслѣ, обнимающемъ собою оба первые вида вѣры и прибавляющемъ къ нимъ новое значеніе прямо *практическаго на-*

правления всей жизни человека, именно: значенія послѣдованія за Христомъ, вступленія въ число Его учениковъ—не какъ слушателей только Его ученія, а какъ слушателей и исполнителей вмѣстѣ, и еще больше исполнителей, чѣмъ слушателей,—значеніе прінятія Христа *всѣми силами души*, иначе: значеніе вѣры во Христа, какъ *всецѣлой личной преданности Ему, какъ своему Богу и Спасителю, въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ* ¹⁾.

Въ этомъ послѣднемъ значеніи понимаетъ вѣру самъ Спаситель, когда а) о вѣрующемъ говорить, что *вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не уверовалъ въ Единороднаго Сына Божія* (Іоан. III, 18). Здѣсь актъ вѣры или невѣрія съ одной стороны и оправданіе или судъ съ другой — понимаются, какъ тождественныя понятія; невѣріе есть осужденіе себя, вѣра есть освобожденіе отъ суда, *оправданіе*. Въ чемъ же состоитъ это осужденіе и это оправданіе или вѣра и невѣріе? Судъ (или невѣріе), говоритъ Спаситель, *состоитъ въ томъ, что свѣтъ* (т. е. Я) *пришелъ въ міръ,—но человекъ не идетъ къ свѣту, ненавидитъ его*; а оправданіе или вѣра состоитъ въ томъ, что человекъ *идетъ къ свѣту* (Іоан. III, 18, 19, 20). *Доколь Я въ міръ, Я свѣтъ міру: кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (—9 гл. 5, 8, 12). *Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій, вѣрующій въ Меня, не оставался во тьмѣ* (—XII, 46). Хожденіе во свѣтъ и вѣра, хожденіе во тьмѣ и невѣріе,—другими словами: всецѣлая личная преданность Христу или отвращеніе отъ Него: вотъ значеніе вѣры и невѣрія въ Еван-

¹⁾ Едвали можно къ понятію *вѣры во Христа Спасителя* отнести тѣ выраженія Св. Писанія о вѣрѣ, въ которыхъ подъ нею разумѣется или нравственное качество—*вѣрность* вообще (пісѣ Римл. III, 3); или *нравственное убѣжденіе*, признаніе *какого-либо дѣйствія* за согласное или несогласное съ нравственнымъ закономъ (*все, что не по вѣрѣ, грѣхъ* Римл. XI V, 22, 23); или даже *сумму тѣхъ истинъ*, которыя заключаются въ Словѣ Божіемъ и которымъ можно вѣрить и невѣрить. (Гал. III, 2. 5).

гелии! б) Когда о *невѣрующахъ* говорить, что они не *изъ Его овецъ* (—X, 26). Вѣровать во Христа, по Его ученію, значитъ находиться въ такомъ же отношеніи къ Нему, въ какомъ овцы находятся къ пастырю: онѣ знаютъ его, слушаются голоса его и идутъ за нимъ, но не бѣгутъ отъ него, какъ отъ наемника (З. 4. 27). Знать голосъ своего пастыря, проникающій во всѣ силы души, слушаться этого голоса и ходить, куда онъ ведетъ, — все это вмѣстѣ взятое и значитъ вѣровать въ небснаго Пастыря. в) Когда въ послѣдній день праздника кущей стоялъ Іисусъ и возгласилъ: *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ, и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева истекуть рѣки воды живою* (Іоан. VII, 37. 28). Вѣровать во Христа значитъ принимать въ себя, пить воду жизни, иначе: воспринимать въ себя и ассимилировать себѣ Его мысли, чувства и направленіе воли, что возможно только для жаждущаго, т. е. для находящагося въ состояніи покаянія, для сознающаго себя ничимъ въ добрѣ, для плачущаго о своемъ злѣ и для алчущаго и жаждущаго помилованія (оправданія) и силы къ добру. Такой жаждущій, напоенный водою жизни, *будетъ самъ имѣть* въ истинномъ смыслѣ *жизнь въ себѣ самомъ* и давать жизнь — напоить другихъ жаждущихъ.—г) Когда говорить: *приидите ко Мнѣ, возьмите иго Мое или крестъ Мой на себя, научитесь отъ Меня, слѣдуйте за Мною* и т. п. (Мтѣ. XI, 28 et seq.),—во всѣхъ этихъ и подобныхъ изрѣченіяхъ Спасителя выражается призваніе слушающихъ къ вѣрѣ, къ званію учениковъ Его, которое въ томъ и состоитъ, чтобы, слушая и видя Учителя, больше и больше знать Его и исполнять все то, что требуется Его словами и дѣлами, однимъ словомъ: пребывать въ Немъ. *Что мы познали Его*, говоритъ евангелистъ Іоаннъ въ томъ же смыслѣ, что: увѣровали въ Него,—*узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ Его заповѣди* (1 Іоанн. II. 3). *Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики*, т. е. вѣруете въ Меня,—*если будете имѣть любовь между собою*,—

или вообще, *если будете соблюдать Мои заповѣди* (Іоан. XIII, 35, 14, 15).

Такимъ образомъ вѣра въ Евангеліе есть *во-первыхъ* извѣстное отношеніе освобожденнаго человѣка не къ той или другой только истинѣ Слова Божія, а вообще къ лицу Иисуса Христа, какъ Сына Божія и Спасителя міра. *Если не увѣруете, что это Я*, говоритъ Онъ, *то умрете во грѣхахъ своихъ* (Іоан. VIII, 24). Только личная преданность каждаго отдѣльнаго вѣрующаго Лицу же самого Иисуса Христа и есть основаніе довѣрія и ко всему содержанію Слова Божія, къ каждому отдѣльному изрѣченію, дѣйствию и учрежденію какъ самого Спасителя, такъ и Его пророковъ и апостоловъ. Все это содержаніе своимъ центромъ имѣетъ Лице Иисуса Христа, составляетъ выраженіе Его духа, свидѣтельствуеть о Немъ же. *Кто Ты?*—спрашивали Его фарисеи послѣ того, какъ Онъ сказалъ: „если не увѣруете, что это Я, то умрете во грѣхахъ своихъ (25)“. *Я то*, отвѣтилъ Иисусъ, *что и говорю вамъ*. Т. е. все, въ чемъ Я открываюсь вашему сознанію, чувству и влеченію, все то, что Я говорю и что говоритъ вамъ обо Мнѣ Откровеніе,— все это и есть Я. Въ этомъ смыслѣ Онъ сказалъ народу, спрашивавшему Его: *что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи?* *Вотъ дѣло Божіе: чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ* (Іоан. VI, 28. 29). *Во вторыхъ* вѣра есть отношеніе человѣка къ Лицу Спасителя не одною какою либо стороною его духовной природы: она не есть принятіе только Его словъ и поведенія за искреннія и истинныя или вѣра историческая; такую вѣру имѣютъ бѣсы и трепещутъ (Іак. II, 19); только такъ вѣрующіе—временемъ вѣрують, а во время искушенія отпадаютъ (Лук. VIII, 13); такая вѣра есть вѣра безъ дѣлъ, и потому мертва (Іак. II, 26). Она не есть также только увѣренность въ чудодѣйственной силѣ Спасителя и сама совершающая чудеса: Спаситель не совершалъ для іудеевъ чудесъ, возбуждающихъ только удивленіе къ Его всемогуществу и всевѣднію, часто запрещалъ говорить о совершенныхъ Имъ чудесахъ, и тѣмъ показывалъ, что вѣра въ Него не есть

слѣпое подчиненіе величію всесильной, хотя бы и благотворной, силы, или плодъ внезапнаго ощущенія, возбужденнаго необычайными явленіями въ видимомъ мірѣ. Многимъ, которые во имя Его пророчествовали, изгоняли бѣсовъ и многія чудеса творили, Онъ скажетъ въ послѣдній день: *Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе* (Мтѣ. X гл., 22. 23). *Если имѣю даръ пророчества*, говоритъ св. ап. Павелъ, *и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто* (1 Кор. XIII, 2). Вѣра не есть—далѣе—только надежда на помощь Божію, на обѣтованія Божіи вообще, и въ частности на спасеніе Его заслугами и благодатію: эта надежда, если она не подчиняется всѣмъ другимъ *условіямъ своего осуществленія*, можетъ остаться тщетною, мертвою. Всѣ эти три вида вѣры, правда, входятъ въ понятіе дѣйствительной, спасающей вѣры. И довѣріе къ словамъ и дѣламъ Спасителя и ко всему Откровенію о Немъ необходимо: не пріемля за истину того, что предлагаетъ откровеніе, не признавая Бога во Христѣ, нельзя и стать къ Нему, какъ Богу, ни въ какія личныя отношенія; и вѣра въ чудодѣйственную, благотворную силу Спасителя, полезна для *людей плотскихъ*, приходящихъ къ Нему прежде всего съ надеждою на помощь въ тѣлесныхъ своихъ нуждахъ, какой они не могли найти нигдѣ въ мірѣ; и вѣра, какъ увѣренность въ спасеніи благодатію и вообще въ исполненіи обѣтованій Божіихъ безусловно необходима: безъ этой увѣренности нѣтъ довѣрія вообще къ словамъ Спасителя и въ частности—къ умиротворенію своего сердца, сокрушеннаго покаянными чувствами и къ побѣдѣ надъ зломъ въ мірѣ. Но всего этого не достаточно для того, чтобы быть дѣйствительно обращеннымъ ко Христу; для этого нужна рѣшимость на *дѣйствительное, фактическое послѣдованіе за Христомъ*, на исполненіе всей Его воли получившимъ къ тому возможность человѣкомъ; другими словами: нужна всецѣлая личная преданность Ему, какъ своему Богу и Спасителю, въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и поведеніи. Такая *всецѣлая пре-*

данность человека *Личу Спасителя и Его дѣлу* и есть спасающая его *вѣра* ¹⁾); а съ этимъ и покаяніе его есть такое же всецѣлое отдѣленіе его *я* отъ созданнаго имъ въ себѣ духовнаго организма зла, — дѣйствительное, внутреннее отвращеніе отъ этого зла затѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя добру.

Такимъ образомъ *вѣра* и покаяніе составляютъ двѣ стороны одного нераздѣльнаго акта обращенія человека ко Христу, и потому могутъ быть выражены однимъ словомъ: *покаянная вѣра*. Эта покаянная *вѣра* называется *обращеніемъ* потому именно, что съ одной стороны она есть отвращеніе человека отъ живущаго въ немъ зла, ненавидѣніе его, съ другой — направленіе всего *я* со всѣми его силами ко Христу и Его дѣлу.

Такая покаянная *вѣра*, подъ вліяніемъ христіанской благодати, создается безъ сомнѣнія постепенно, — не въ одинъ, не въ два, такъ сказать, пріема, а въ неисчислимомъ количествѣ внутреннихъ движеній всѣхъ силъ духа, пока въ немъ не образуется наконецъ болѣе или менѣе прочное, покаянно-вѣрующее *настроеніе* ¹⁾). Получая свободу отвергнуться или не отвергнуться своего зла, идти или не идти за Христомъ, призываемый болѣе или менѣе долго приходитъ въ себя, всматривается въ свое зло и предлагаемое ему добро, колеблется иногда очень долго, какъ показываетъ опытъ древнихъ оглашенныхъ. Возбуждаемый отъ сна нравственно-больной не

¹⁾ Такая *вѣра*, очевидно, есть *условіе* крещенія, предшествующее ему; если она называется *спасающею*, то въ томъ только смыслѣ, что составляетъ *первую ступень* спасенія; *вторую* ступень его составляетъ *актъ крещенія и миропомазанія* (который можетъ замѣняться и другимъ, напр. мученичествомъ) съ ихъ внутренними благодатными послѣдствіями или плодами для вѣрующаго. Крещенный и Миропомазаный есть уже въ извѣстномъ смыслѣ *спасенный*; спасеніе въ этомъ смыслѣ очевидно возможно подъ условіемъ уже не одной только *вѣры*, какъ *внутренняго* настроенія призываемаго. Есть наконецъ *спасеніе* въ иномъ смыслѣ: оправданіе на послѣднемъ судѣ и вѣчное блаженство. Какъ безотчетно употребляется это слово: *спасеніе* и въ учебникахъ и въ спорахъ съ протестантами!

²⁾ Примѣръ разбойника на крестѣ или Савла не противорѣчатъ этому положенію; мы не знаемъ, сколько разъ они слышали о Спасителѣ и что происходило въ ихъ душахъ при этой вѣсти *прежде*, чѣмъ они обратились къ Нему.

разъ пробуетъ подняться съ одра своего,—и не разъ падаетъ назадъ, увлекаемый тяжестью своего зла, которое тѣмъ сильнѣе влечетъ къ себѣ, чѣмъ рѣшительнѣе требуется война противъ него. „Кто видѣлъ“, говоритъ преосвящ. Теофанъ, „какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя, или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влево, тотъ имѣетъ въ этомъ образъ того, что бываетъ (въ періодъ обращенія) съ благимъ желаніемъ человѣка“ ¹⁾. Пока-то наконецъ смиреніе, самоосужденіе и страхъ Божій съ одной стороны, вѣра и молитвенное настроеніе съ другой — настолько не назрѣютъ въ человѣкѣ, что онъ, подобно блудному сыну, однажды навсегда скажетъ себѣ рѣшительно: встану и пойду къ отцу моему и отдамъ всего себя въ его распоряженіе, какъ одного изъ наемниковъ его.

Этотъ моментъ рѣшимости и есть заключеніе всего акта обращенія, есть тотъ моментъ, когда падшій человѣкъ самымъ дѣломъ рѣшается сдѣлать то, чего прежде всего требуетъ Спаситель отъ всякаго истинно обращающагося къ Нему, чего Онъ потребовалъ отъ Павла, не смотря на его необычайное обращеніе, и чего требовали апостолы, когда ихъ спрашивали: „что намъ дѣлать мужіе — братіе“, — чего наконецъ требуетъ доселѣ христіанская Церковь отъ всякаго оглашеннаго,—именно: отречься отъ зла и сочетаваясь со Христомъ, *крестись и приимешь даръ Св. Духа*.

Выразивъ предъ Церковію отреченіе отъ зла и рѣшаясь *сочетаться* со Христомъ чрезъ купель крещенія, обращенный дѣлаетъ тоже, что блудный сынъ, когда онъ былъ на пути къ отцу своему. И какъ тамъ—въ притчѣ отецъ встрѣтилъ сына еще далеко отъ дому своего, палъ ему на шею, облобызалъ его, ввелъ въ свой домъ не какъ наемника, а какъ кровнаго сына своего, приказалъ одѣть его наилучшею одеждою, дать перстень на руку его, обуть его ноги и устроилъ для него великій праздникъ, полный радости

¹⁾ «Путь ко спасенію» стр. 148, 149.

и веселья; ибо этотъ сынъ пропалъ было, а теперь найденъ, умеръ было, а теперь ожилъ: такъ и въ св. *таинствахъ Крещенія и Миропомазанія* Богъ изливаетъ на душу падшаго, а нынѣ обратившагося человѣка, чудеса любви своей, которыя неизмѣримо выше всѣхъ чудесъ, когда либо совершавшихся въ области матеріальнаго міра. Любовь Божія совершаетъ въ грѣшной человѣческой душѣ то, что священное Писаніе и Церковь называютъ *оправданіемъ* и *освященіемъ*, однимъ словомъ: *возрожденіемъ* человѣка.

Подъ оправданіемъ разумѣется, по ученію Слова Божія, не то только, что Богъ съ Своей стороны даруетъ грѣшнику прощеніе грѣха, какъ грѣховнаго состоянія и какъ отдѣльныхъ сознательныхъ противно-нравственныхъ дѣйствій; что Онъ снимаетъ съ грѣшника Свое праведное осужденіе и проклятіе; что вмѣняетъ грѣшнику праведность Христову въ его собственную праведность: все это входитъ въ понятіе объ оправданіи. Но въ него входитъ также и то, что оправданный сознаетъ и носить въ *себѣ самомъ*, хотя и ничѣмъ незаслуженное, сознаніе и чувство оправданія (Фил. III, 9: *я имѣю не свою праведность, но праведность отъ Бога по вѣрѣ*); что онъ сознаетъ дѣйствительную чистоту своего нравственнаго чувства (1 Іоан. I, 9; Дѣян. XV, 9), хотя и знаетъ, что самъ ничѣмъ не могъ очистить его; что онъ сознаетъ себя наконецъ *полнымъ мира и радости* (Дѣян. VIII, 39. 13. 52 и т. д.), хотя и знаетъ, что своею прежнею жизнію только оскорблялъ и свою совѣсть и Бога. *Не видя* (Иисуса Христа), *но вѣруя въ Него, онъ радуется радостію неизреченною и преславною* (1 Петр. I, 8). *Миръ Божій, который превышаетъ всякаго ума, соблюдаетъ сердце его и помышленія его во Христвъ Иисувъ* (Филип. IV, 7). *Радуйтесь*, говоритъ Апостоль оправданнымъ, *всегда во Господь и еще говорю—радуйтесь* (—ст. 4).

Короче: оправданіе есть ничѣмъ незаслуженное со стороны человѣка, чудесно дарованіе ему состояніе блаженства чистоты нравственнаго чувства или внутренняго *Царствія Божія*, которое, по Апостолу, есть именно *не пища и питіе, но праведность, и миръ,*

и радость во Св. Духъ (Римл. XIV, 17). И только тогда, когда обращенный обладает *этимъ Царствіемъ Божиимъ* онъ можетъ создать и распространять и во всей окружающей его сферѣ тотъ исполненный правды и мира строй жизни, ту прочность, оживленность общественныхъ союзовъ и отношеній и то матеріальное благоденствіе, въ которыхъ, насколько все это зависитъ отъ отдѣльнаго человѣка, выражается внутреннее Царствіе Божіе, нормальное нравственное развитіе и достоинство человѣческой природы.

Но уже изъ этого видно, что однимъ оправданіемъ человѣкъ не можетъ жить: чувство мира, духовной радости и блаженства, *какъ чувство, какъ пассивное состояніе*, еще не составляетъ самодѣятельной жизни, и само по себѣ не есть еще личная энергія къ добру; а эта энергія необходима оправданному потому уже одному, что очищеніе его нравственнаго чувства и прощеніе ему грѣховъ *не уничтожаетъ* въ его грѣховномъ организмѣ *алъдовъ* тѣхъ злыхъ качествъ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ или которыя своими собственными злыми дѣяніями создалъ въ себѣ до обращенія ко Христу. Эти злыя наклонности не вмѣняются болѣе оправданному, но сила ихъ не уничтожена; какъ бессознательныя онѣ находятся не въ центрѣ его самосознанія и самоопредѣленія, а на периферіи его; тѣмъ не менѣе, хотя и въ бессознательномъ состояніи, они живы въ духовномъ организмѣ оправданнаго и могутъ, помимо его воли, при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ, возникнуть въ его сознаніи съ великою силою и искушать его ко злу. Поэтому свобода обращеннаго, еще недостаточно воплощенная въ новыхъ нравственно-добрыхъ качествахъ, еще несоздавшая новаго внутреннего строя по всѣмъ отношеніямъ земной жизни, была бы иллюзіею, еслибы не имѣла для себя помощи, достаточно могущественной для того, чтобы искоренить въ себѣ всѣ слѣды ветхаго человѣка.

Спасая падшаго, Богъ дѣлаетъ для него все, что служитъ къ его полному благу на землѣ и въ вѣчности. Усиленіе еще неокрѣпшей энергіи его самоопредѣленія въ добрѣ—силою самого Бога или,

что тоже, благодатію Его и есть то, что разумѣется подъ *освященіемъ чловѣка* и что Слово Божіе преимущественно называетъ *даромъ Св. Духа*, когда говорить не о чрезвычайныхъ между христіанами первенствующей церкви дарахъ пророчества, новыхъ языковъ, или чудесъ вообще, а о *присущей каждому христіанину* благодатной помощи въ добръ. Сознаніе въ себѣ этой силы, какъ отдѣльной отъ силы нашего самоопредѣленія, для насъ *не возможно* уже потому, что она естественно совпадаетъ съ основаніемъ нашей нравственной природы, т. е. съ ея инстинктивнымъ, *несознаваемымъ влеченіемъ* къ добру; влеченіе же къ добру доступно нашему сознанію только чрезъ нравственное чувство, которое, будучи сознано, составляетъ вмѣстѣ съ свободою сущность нашего я и можетъ сознаваться только относительно дѣйствій этого я ¹⁾.

Слово Божіе и практика православной Церкви показываютъ, что за оправданіемъ чловѣка, за прощеніемъ грѣховъ и умиротвореніемъ его совѣсти, обыкновенно слѣдуетъ или же совпадаетъ съ нимъ *освященіе, сообщеніе дара Св. Духа*. Иудеямъ, возбужденнымъ проповѣдію св. ап. Петра о Распятомъ и Воскресшемъ и вслѣдствіе того спрашивавшимъ: что намъ дѣлать, — Апостоль отвѣтилъ: *покайтесь* (стяжите то настроеніе покаянной вѣры, которое дѣлаетъ васъ способными къ оправданію и освященію) *и да крестится каждый изъ васъ* (т. е. какъ уже имѣющій возможность свободной рѣшимости) *во имя Господа Иисуса Христа для прощенія грѣховъ* (т. е. оправданія); *и получите даръ Св. Духа* (освященіе, — Дѣян. II, 38). *Когда явилась благодать и чловѣколюбіе Спасителя нашего и Бога*, учитъ св. ап. Павелъ,

¹⁾ Такое же, *не сознаваемое*, но тѣмъ не менѣе *дѣйствительное* вліяніе *всеобщей* или *промыслительной* благодати, составляетъ основаніе того стремленія къ безконечному или къ религіи вообще, которое обнаруживается повсюду и въ язычникахъ. И язычники, почитая должныхъ боговъ, чтутъ собственно *истиннаго* Бога, только *не сознавая* этого (Дѣян. XVII, 23), не имѣя именно возможности, по нравственной испорченности своей, переработать непосредственныя ощущенія Божества въ правильныя понятія о Богѣ и поставить себя въ должныя отношенія къ Нему.

(Тим. III, 4—7); *Онъ спасъ насъ не дѣлами праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости* (только въ силу покаянной вѣры; но какимъ образомъ?), въ первыхъ банею возрожденія, т. е. по словамъ того же св. Апостола въ другихъ мѣстахъ (Еф. V, 26; Дѣян. XXII, 16) *водною банею очищенія или омовенія грѣховъ*; и затѣмъ во вторыхъ — банею обновленія *Св. Духомъ, Котораго Онъ излилъ на насъ обильно чрезъ Иисуса Христа, Спасителя нашего*, т. е. чрезъ освященіе; чтобы, заключаетъ Апостоль, *оправдавшись Его благодатію, мы по упованію содѣлались наследниками вѣчной жизни*. Приведемъ еще одно изрѣченіе того же Апостола въ доказательство неразрывной связи освященія съ оправданіемъ въ дѣлѣ земнаго спасенія человѣка. *Нѣкоторые изъ васъ, говоритъ онъ о христіанахъ изъ язычниковъ, были неправедны* (идолослужители, блудники и пр.), *но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа* (въ крещеніи) *и Духомъ Бога нашего* (чрезъ возложеніе рукъ или Миропомазаніе, I Кор. VI, 11).

Оправданіе и освященіе и во времена апостольскія совершались и доселѣ въ православной церкви совершаются въ непосредственно одно за другимъ слѣдующихъ, видимыхъ дѣйствійхъ, называемыхъ таинствами Крещенія и Миропомазанія (или возложенія рукъ). Рожденіе какъ *отъ воды*, такъ и *отъ Духа*, по ученію самого Спасителя, составляетъ совмѣстный актъ *возрожденія* человѣка или его земнаго спасенія. *Если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ Царство Божіе* (Іоан. III, 5). Какъ при крещеніи Его самого въ Іорданѣ видимо сошелъ на Него Святыи Духъ въ видѣ голубя, такъ и крещеніе всякаго христіанина *въ оставленіе грѣховъ* соединяется съ сообщеніемъ ему *дара Св. Духа*. Бывали, правда, и въ первенствующей церкви случаи, когда за крещеніемъ не тотчасъ слѣдовали низведеніе Св. Духа на новокрещенныхъ: такъ крещенные св. Діакономъ Филиппомъ Самаряне не получили Св. Духа, пока апостолы не услышали объ ихъ крещеніи и не послали къ нимъ Петра и Іоанна, которые помолились о

нихъ, возложили на нихъ руки, и они *приняли Св. Духа* (Дѣян. VIII, 14—17). Бывало иногда и такъ, что освященіе совершалось прежде оправданія. Такъ Корнилій сотникъ и съ нимъ собравшіеся для слушанія св. ап. Петра удостоились дара Св. Духа *во время проповѣди, независимо отъ крещенія*, которое однакоже совершено было послѣ (Дѣян. X гл.). Но и тотъ и другой случай, указывая на возможность освященія отдѣльно отъ оправданія (въ римско-католической церкви мѣропомазаніе или конфирмація и теперь совершается не тотчасъ послѣ крещенія), одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что одно другимъ должно восполняться въ возрожденіи чело-вѣка,—или что одно безъ другаго не спасаетъ на землѣ чело-вѣка, достигшаго самосознательнаго возраста.

Вообще же ученіе объ оправданіи и освященіи чрезъ креще-и возложеніе рукъ было такъ общеизвѣстно во времена Апостольскія, что св. ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ считаетъ излишнимъ и останавливаться на этихъ *начаткахъ* ученія самого Христа. *Оставивъ начатки ученія Христова*, говоритъ онъ, *поспѣшимъ къ совершенству и не станемъ снова полагать основаніе обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ въ Бога* (т. е. покаянію и вѣрѣ), *ученію о крещеніяхъ и возложеніи рукъ* и пр. *Невозможно*, говоритъ онъ далѣе, *однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небснаго* (т. е. крещенныхъ и мѣропомазанныхъ) *и отпадшихъ* опять обновлять покаяніемъ, *когда* (т. е. пока) *они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему* (Евр. VI, 1—6).

По уставу православной церкви, непосредственно за крещеніемъ вступающаго въ Церковь и доселѣ слѣдуетъ его мѣропомазаніе; а послѣ мѣропомазанія, окропляя водою новокрещеннаго и мѣропомазаннаго, священникъ, согласно съ тѣмъ же уставомъ, такъ выражаетъ плоды этихъ таинствъ: „*опродался еси, просвѣтился еси, освятился еси, омѣлся еси* именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего“; и потому, отирая его губкою, повторяетъ: „*крестился еси, просвѣтился еси, мѣропомазался*

еси. *Освятился* еси, омылся еси: во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Если изъ этихъ словъ, указывающихъ какъ на внѣшнія, такъ и на внутреннія дѣйствія, совершенныя въ обоихъ таинствахъ, мы остановимъ вниманіе отдѣльно на тѣхъ и другихъ; то окажется, что къ *внутреннимъ* дѣйствіямъ таинствъ Церковь относитъ: *оправданіе* и *освященіе*, однимъ словомъ: просвѣщеніе (тоже, что *возрожденіе* или *обновленіе* ¹⁾); а къ *внѣшнимъ*: крещеніе (омовеніе) и миропомазаніе.

Оправданіе и *освященіе* составляютъ такимъ образомъ два нераздѣльныхъ момента возрожденія падшаго и обращеннаго чловѣка, которые вмѣстѣ могутъ быть названы однимъ словомъ: *возрожденіе* или *просвѣщеніе*.

Очевидно, что если при обращеніи падшаго чловѣка чрезъ призываніе, онъ, по мѣрѣ возстановленія его свободы, долженъ былъ *самъ участвовать въ созиданіи въ себѣ покаянной вѣры*, — то своему возрожденію или просвѣщенію, кромѣ *своей покаянной вѣры во Христа Спасителя, приведшей его къ купели крещенія*, онъ ничѣмъ не могъ содѣйствовать. И если возрожденіе чловѣка въ *новую жизнь на землѣ* правильно можетъ быть названо его *земнымъ спасеніемъ* въ отличіе отъ спасенія въ жизни будущаго вѣка т. е. отъ *оправданія* на послѣднемъ судѣ и отъ *вѣчнаго блаженства*; то и мы, совершенно согласно съ ученіемъ православной церкви, не можемъ оспаривать того протестантскаго или, лучше божественнаго ученія, что *чловѣкъ спасается только вѣрою*. Не напрасно же и самъ Іисусъ Христосъ называется не только нашимъ искупленіемъ (разумѣется *объективное спасеніе*, въ отличіе отъ плодовъ его для *отдѣльнаго чловѣка*), но и *просвѣщеніемъ*, и *праведностію* и *освященіемъ* (1 Кор. I, 30).

¹⁾ Впрочемъ подъ *просвѣщеніемъ* можно, кажется, разумѣть, въ частности, *призываніе* падшаго чловѣка евангельскою благодатію къ покаянію и вѣрѣ во Христа или *олашеніе* вообще, какъ дѣйствіе, открывающее оглашаемому христіанскую истину, возбуждающее и укрѣпляющее его нравственно-религіозное сознаніе и чувство и подготавливающее къ возрожденію въ таинствахъ.

Послѣ всего сказаннаго можно уже дать отвѣтъ на вопросъ: что значить быть христіаниномъ? Этотъ отвѣтъ будетъ гласить такъ: *быть христіаниномъ значитъ быть не только призваннымъ благодатію Божіею къ покаянію и вѣрѣ во Христа, но и по вѣрѣ во Христа силою этой благодати быть оправданнымъ и освященнымъ, однимъ словомъ: возрожденнымъ или просвѣщеннымъ.*

Вѣрующій и въ силу своей вѣры благодатію Божіею возрожденный или, что тоже: христіанинъ есть уже не блудный сынъ, рѣшившійся возвратиться въ домъ прогнѣваннаго отца своего, чтобы просить его о помилованіи и принятіи въ число наемниковъ, но 1) обновленный во всемъ нравственномъ состояніи своемъ: *кто во Христа, тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. V, 17); *облеченный въ новаго человека, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины* (Ефес. IV, 22—24); 2) любимый сынъ любящаго Отца: *вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить въ страхъ, но приняли духа усыновленія, которымъ зываемъ: авва отче!* (Римл. VIII, 15). *Тѣмъ, которые приняли Его (Иисуса Христа), вѣрующимъ во имя Его, Онъ далъ власть быть чадами Божіими, которыя ни отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились* (Іоан. I, 12. 13); 3) живущій въ домѣ Отца въ тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ Нимъ: *развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1 Кор. III, 16. 17). *Я живу, но уже не я, а живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20). *Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. I, 17).

Такое единеніе возрожденнаго съ своимъ Богомъ и Спасителемъ, по исконному обычаю православной церкви, и выражается и запечатлѣвается въ св. Тайнствѣ причащенія Тѣла и Крови Христовой, которыхъ новокрещенный, какъ уже равноправный членъ Церкви Христовой, по вѣрѣ своихъ восприемниковъ удостоивается еще въ младенческомъ возрастѣ.

Вотъ какихъ великихъ и неизреченныхъ даровъ удостоился каждый изъ насъ, православные слушатели, въ св. таинствахъ Крещенія и Муропомазанія и неоднократно удостоивался въ св. Причащеніи уже въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастѣ! Обо всѣхъ этихъ начаткахъ христіанскаго знанія, о которыхъ уже св. апостоль Павелъ не хотѣлъ говорить христіанамъ изъ евреевъ, излагается, хотя и сокращенное, ученіе въ нашихъ катихизисахъ, которые тоже называются *начатками*.—Если же, къ общему стыду нашему, кто-нибудь изъ взрослыхъ православныхъ не знаетъ, или забылъ эти начатки, если ученіе о вѣрѣ во Христа Спасителя и о дарахъ Св. Духа по этой вѣрѣ въ первый разъ будто бы вѣмъ-либо изъ православныхъ слышится на Руси изъ устъ нерусскихъ и неправославныхъ ¹⁾,—то трудно и придумать: на кого больше должно пасть обвиненіе въ этомъ? На насъ ли—служителей слова Божія, которые не научились еще достаточно вразумительно читать его въ храмахъ, и съ любовію и ревностію истолковывать своимъ паствамъ; на того ли или другаго воспріемника или воспитателя, на которыхъ также лежитъ долгъ предъ Богомъ вводить вѣрныхъ имъ дѣтей въ кругъ покрайней мѣрѣ первоначальныхъ христіанскихъ понятій; на то ли или другое несчастное обстоятельство въ жизни отдѣльныхъ лицъ, допускаемое Промысломъ Божиимъ къ вразумленію нашему и къ возбужденію въ насъ большей ревности о распространеніи духовнаго просвѣщенія между крещенными въ

¹⁾ Читатели знаютъ, какіе толки имѣлись въ виду при этихъ словахъ. На сколько эти толки до меня доходили, — кромѣ стараго, односторонне притомъ понятяго, протестанскаго ученія о *спасеніи или оправданіи одною вѣрою*, а не вѣрою и *дѣлами*, какъ учить православная Церковь,—я рѣшительно ничего не нашель въ нихъ. Жаль, что и мы, говоря и пиша о *спасеніи*, не различаемъ *спасенія земаго*, т. е. вступленія въ число спасаемыхъ на землѣ отъ *спасенія въ будущемъ вѣкѣ*, т. е. *оправданія на послѣднемъ судѣ Христовомъ* и отъ *вѣчно блаженной жизни*. Послѣдняго *спасенія* и протестанты не ожидаютъ отъ одной *безплодной вѣры* или отъ *вѣры безъ любви*; а для перваго и мы, если и можемъ говорить о *дѣлахъ*, то только о тѣхъ вѣдшихъ дѣйствіяхъ, которыя со стороны вѣрующаго естественно необходимы при *оглашеніи* (въ выше изъясненномъ смыслѣ) и при *осуществленіи рѣшимости* приступать къ купели крещенія.

безсознательномъ дѣтскомъ возрастѣ? Но во всякомъ случаѣ да сохранитъ насъ Господь, Пастыреначальникъ нашъ, отъ одного предположенія, будто бы Его Церковь—это общество не только призванныхъ ко Христу, но и возрожденныхъ силою Его Духа, — чтобы ея іерархи, эти преемники всѣхъ апостольскихъ полномочій по божественному непрерывному преемству рукоположенія отъ св. апостоловъ-очевидцевъ самого Спасителя во плоти, — чтобы и другіе священнослужители, имѣющіе свои полномочія чрезъ этихъ архипастырей, — когда-либо и гдѣ-либо сами не знали того, что они дѣлаютъ, Кому и чему служатъ и какими небесными сокровищами распоряжаются, когда читаютъ или проповѣдуютъ Слово Божіе, или когда совершаютъ святыя таинства Церкви!

Если же кто изъ насъ не довольствуется этими преизобильно изливаемыми на вѣрующихъ дарами оправданія и освященія; если кто ищетъ необычайныхъ даровъ: пророчества — въ смыслѣ прозрѣнія въ будущее, новыхъ откровеній, непонятныхъ языковъ, и для этого усиливается по своему истолковывать нѣкоторыя изрѣченія св. апостола Павла о дарахъ Св. Духа въ первенствующей Церкви и нѣкоторые образы въ Апокалипсисѣ ¹⁾, то такимъ мы скажемъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ, что если бы намъ явился действительно Ангелъ съ неба и сталъ благовѣствовать не то, что намъ положительно и притомъ однажды на всегда открыто въ Сынѣ Божіемъ и что принято всею вселенскою Цер-

¹⁾ При этихъ словахъ разумѣлись тѣ изъ православныхъ, которыхъ жажда даровъ Св. Духа увлекаетъ въ собранія *ирвингянскіе*, или, какъ сама она себя называетъ, апостольской общины, въ первой четверти текущаго столѣтія зародившейся, какъ извѣстно, въ Англии и стремящейся возстановить, по крайнему разумѣнію, чины древней церкви: Апостоловъ, Пророковъ, Ангеловъ (т. е. епископовъ, см. Апокалипсисъ), Учителей и т. п. и разгадать ближайшее будущее въ судьбахъ міра, — и все это при помощи *новыхъ откровеній* или наитій Св. Духа во время собраній на ирвингянъ. Не видя такихъ *новостей* въ нашей Церкви, отъ которой впрочемъ ирвингяне весьма многое истинно древнее заимствовали въ чинѣ богослуженія своего, они полагаютъ и позволяютъ себѣ проповѣдывать въ С.-Петербургѣ, что наша православная церковная жизнь не знаетъ ничего о дарахъ Св. Духа, или о *помазаніи* свыше, которыя будто бы и не сообщаются православнымъ.

ковію: то и онъ *да будетъ анаема* (Галат. I, 8. 9); что намъ ясно дано знать больше, чѣмъ сколько мы можемъ исполнить всюю своею жизнію; *что іудеи требуютъ чудесъ и еллины ищутъ мудрости*, а намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же св. Апостоломъ, достаточно знать *Христа распятаго, Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. I, 22. 23). *О временахъ же и срокахъ*, о которыхъ и въ апостольскія времена иные любили толковать, признаваль *не-нужнымъ* писать и св. ап. Павелъ (1 Тим. V, 1); не признаваль *апостольскимъ дѣломъ* знать о нихъ и самъ Христосъ Спаситель, когда уже по воскресеніи Своемъ, во время послѣдней личной бесѣды съ апостолами, предъ минутою вознесенія Своего на небо сказалъ имъ: *не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти* (Дѣян, I, 7).

У каждаго изъ насъ, мм. гр., много другаго, положительно заповѣданнаго намъ, какъ христіанамъ, дѣла. Все то, что я сказалъ въ первыхъ двухъ чтеніяхъ о *содержаніи* нравственности, должно быть содержаніемъ именно христіанской жизни. Недостанетъ всѣхъ силъ и времени земной жизни на то одно, чтобъ какъ слѣдуетъ по христіанской совѣсти изучить и сѣумѣть исполнить обязанности любаго честнаго труда, быть дѣйствительно мастеромъ въ дѣлѣ своего земнаго званія, честнымъ представителемъ своей профессіи. Какой неистощимый запасъ нравственной энергіи и какаѣ помощь Св. Духа нужна намъ и для того, чтобы пламень братской любви и неподкупность правды проникали наши семейныя, общественныя и народныя дѣла и отношенія, всѣ труды и обязанности каждаго изъ насъ и среди этихъ отношеній. Я позволю себѣ напомнить въ настоящій разъ только одну, общую всѣмъ и каждому изъ насъ, обязанность члена той святой общины, которая называется приходскимъ обществомъ, *приходскою церковію* или просто: *приходомъ*. Тамъ у святой купели, у которой мы произнесли наши христіанскіе обѣты, въ которой Господь чрезъ апостольскихъ преемниковъ оправдалъ, освятить и усыновилъ насъ Себѣ, — у того священнаго алтаря, у подножія котораго мы слагаемъ бремя грѣховъ

своихъ и отъ котораго питаемся Тѣломъ и Кровію Господнею, — гдѣ мы получаемъ благодатное освященіе своихъ браковъ, гдѣ находимъ помощь и утѣшеніе въ тяжкія минуты искушеній и страданій, гдѣ и по смерти нашей будетъ возноситься молитва о насъ ко Престолу Всевышняго, — тамъ должна бы сосредоточиваться прежде всего наша общественная, духовно-христіанская дѣятельность, какъ чада Божіихъ, какъ овецъ стада Христова. Въ каждой приходской церкви, и богослуженіе съ его чтеніемъ и пѣніемъ, и виѣшнее устройство ея, и всѣ порядки и нужды приходской жизни должны быть дѣломъ каждаго прихожанина, какъ приснаго въ этой скромной христіанской семьѣ; кто имѣетъ даръ читать назидательно для всѣхъ, — читай съ благословенія настоятеля церкви и къ его великой радости; кому Богъ далъ талантъ пѣнія, — пой къ общему духовному возбужденію и утѣшенію молящихся; кто хочетъ быть священнослужителемъ и проповѣдникомъ слова Божія, — готовься: священная литература и двери духовной науки, благодареніе Богу, нынѣ открыты и доступны всѣмъ. Почему же тѣ изъ васъ, которые справедливо желаютъ большаго назиданія словомъ и примѣромъ жизни, большихъ плодовъ вѣры и духа, большей пастырской попечительности отъ своего духовенства, — почему они сами, такъ много видящіе и понимающіе на свѣтѣ, не хотятъ взять на себя и раздѣлить съ нами наше священное, апостольское иго? Но если это дѣло, дѣло священнослуженія, какъ оно ни высоко-отраднo для принимающаго и исполняющаго его съ вѣрою, не всѣмъ можетъ быть по разнымъ причинамъ доступно; то всѣмъ христіанамъ доступна и всѣмъ обязательна та святая дѣятельность братской любви и справедливости, которая называется приходскою *благотворительностію*. Братская школа для разумнаго воспитанія всѣхъ приходскихъ и особенно бѣдныхъ дѣтей, братская богадѣльня для призрѣнія убогихъ и престарѣлыхъ бѣдныхъ обоюга пола своей родной общины, и наконецъ братская лечебница для больныхъ ея членовъ: эти *три святимища и питомника духа Христова*, эти три наилучшія *украшенія* христіанскихъ общинъ, встрѣчавшіяся изстари и доселѣ кое-гдѣ

сохраняющіяся въ русскихъ селахъ, должны быть при каждой христіанской общинѣ не только въ городѣ, но и каждомъ христіанскомъ селеніи, и никто изъ живыхъ вѣроу христіанъ не имѣетъ права, да и не можетъ, если онъ дѣйствительно живъ, по мѣрѣ своихъ силъ не участвовать въ нихъ: какое близкое каждому, благодарное, святое, для себя самого и для братій во Христа благотворное поле дѣятельности на всю жизнь, а особенно на дни воскресные и праздничные, на дни поста и покаянія! Какая бы изъ этой дѣятельности выросла неисчислимая духовная и матеріальная польза самихъ обществъ сельскихъ, городскихъ, польза народная, даже вселенская! Но, что гораздо важнѣе всего, какимъ бы прекраснымъ, вѣчно-отраднымъ сокровищемъ добродѣтелей по духу Христову обогащались въ нашей земной жизни и украшались наши души — эти безсмертныя невѣсты вѣчнаго Жениха-Христа, и съ какимъ бы торжествомъ они вступили въ брачные чертоги Его въ послѣдній день всемірнаго воздаянія!

Мы видимъ уже, что выше-предложенный отвѣтъ на вопросъ: что значить быть христіаниномъ, еще не полонъ. Быть призваннымъ благодатію Божіею къ покаянію и вѣрѣ во Христа и быть оправданнымъ и освященнымъ по этой вѣрѣ значить уже, правда, обладать всѣмъ, чего только можетъ желать отъ Бога падшій человѣкъ подъ вліяніемъ христіанской или спасающей благодати; но не значить еще: дѣйствительно пользоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ духовнымъ сокровищемъ. *Сдѣлавшись* христіаниномъ, надобно еще *самодѣтельно*, съ помощію благодати, *пребывать* имъ въ своей жизни; а это значить *возрастать*: и въ своей *вѣрѣ*, а съ нею и въ радости оправданія и въ силѣ освященія, и въ тѣхъ аскетическихъ и общежительныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ *благахъ*, изъ которыхъ слагается вся человѣческая самодѣятельная жизнь или нравственность.

Жизнь духа, которая даже и тогда, когда она, повидимому, прекращается (въ душевныхъ болѣзняхъ, во снѣ) есть непрерывная работа, — движеніе впередъ или назадъ; остановка на одномъ пунктѣ

въ этой жизни есть уже движеніе назадъ, подобно тому, какъ прекращеніе роста въ живомъ организмѣ есть уже признакъ приближающагося его разложенія. Св. апостоль Павелъ ожидаетъ и отъ христіанъ *возрастанія ихъ вѣры* (2 Кор. X, 15); *кто не собираетъ со Мною*, говоритъ и самъ Спаситель, *тотъ расточаетъ* (Матѳ. X, 30; Лук. XI, 23). Средства же возрастанія христіанской вѣры, а съ нею и радости оправданія и дара освященія, суть тѣже самыя, которыми христіанинъ впервые удостоился этихъ небесныхъ благъ, именно: все большее и большее углубленіе въ неисчерпаемый источникъ Слова Божія — Священное Писаніе, которое для этого непрестанно и читается и объясняется въ нашихъ церковныхъ собраніяхъ и распространяется повсюду; для лучшаго же уразумѣнія Священнаго Писанія—чтеніе и слушаніе произведеній церковной письменности, начиная съ катехизисовъ, которые, какъ оказывается, забываются и образованными лицами, и восходя до твореній великихъ отцовъ церкви; далѣе—сердечная молитва, домашняя и общественная, которая ставитъ вѣрующаго въ непосредственное общеніе съ источникомъ благодати—Отцемъ Небеснымъ и Его Единороднымъ Сыномъ и Святымъ Утѣшителемъ Духомъ, со всеѣмъ облагодатствованнымъ сонмомъ небожителей и прежде отшедшихъ въ вѣрѣ и покаяніи отцевъ нашихъ и со всеѣми живыми братьями по вѣрѣ; особенно же участіе въ величайшемъ христіанскомъ торжествѣ видимаго единенія Спасителя съ каждымъ изъ вѣрующихъ, и всеѣхъ вѣрующихъ между собою,—въ таинствѣ Евхаристіи, около котораго, какъ около центра, группируется весь строй ежедневнаго церковнаго Богослуженія. Содержа предъ нашимъ сознаніемъ и уясняя тѣ истины домостроительства нашего спасенія, которыя мы исповѣдывали предъ купелью Крещенія, възгрѣвая и питая въ сердцѣ тѣ чувства, то радостныя о безпредѣльной, уже излиянной на насъ, любви Божіей, и о высшихъ еще обѣтованіяхъ жизни будущей, то смиряющія и возбуждающія насъ къ непрестанному бодрствованію надъ собою, наконецъ соединяя насъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ самимъ Трїединнымъ Богомъ—источникомъ

нашего оправданія и освященія,—всѣ эти богодарованныя средства, коль скоро мы самодѣтельно пользуемся ими какъ вѣрующіе, не могутъ не усиливать *самую эту вѣру*, какъ ту готовность всецѣло предать себя Христу и Его дѣлу, которая привела насъ прежде всего къ купели Крещенія и была съ нашей стороны орудіемъ нашего оправданія и освященія.

Но очевидно само собою, что вѣра, питаемая общеніемъ съ Богомъ чрезъ Слово Божіе, молитву и Причащеніе Святыхъ Христовыхъ Тайнъ, составляя уже сама по себѣ это общеніе, вызывающее все большую и большую жажду исполненія воли Божіей, что она, какъ воплотившая такимъ образомъ въ себѣ всю энергію самоопредѣленія христіанина, не можетъ ни существовать, ни возрастать, не проявляя себя непрестанно во всѣхъ тѣхъ сферахъ, въ какихъ только можетъ обнаруживаться человѣческая нравственность. Христіанинъ призванъ къ освященію *во всей его полнотѣ, чтобы его духъ, душа и тѣло во всей цѣлости сохранены были безъ порока въ пришествіе Господа нашего Иисуса Христа* (1 Фессал. V, 23). Какъ единственная съ помощію благодати свободно созданная надшимъ человѣкомъ добродѣтель, вѣра составляетъ и единственное *основаніе*, но только основаніе и всей его жизни; она есть тотъ камень, который существуетъ на землѣ не безъ пользы, но для того, чтобы на немъ благоразумный мужъ выстроилъ ничѣмъ непоколебимый домъ (Матѣ. VII, 24—27) всѣхъ своихъ субъективныхъ и объективныхъ, аскетическихъ и общежительныхъ благъ, изъ которыхъ слагается вся его нравственность и все его земное благополучіе; или: она есть то *стѣмя, посаженное на доброй землѣ* (— XIII, 23), которое, чѣмъ глубже пускаетъ корни въ центрѣ духа человѣческаго, тѣмъ болѣе развѣтвляется во всей его внутренней и внѣшней дѣятельности и тѣмъ большіе приноситъ плоды добродѣтелей и соотвѣтственныхъ имъ внѣшнихъ благъ, такъ что гдѣ нѣтъ этихъ плодовъ, тамъ нѣтъ и сѣмени; *по плодамъ узнается* какъ вѣра христіанская, такъ и возрастаніе ея; *не всякій, говорящій* только:

Господи, Господи! принадлежить къ числу оправданныхъ и освященныхъ (Матѣ. VII, 20. 21)!

Вотъ почему св. Апостоль радостно говоритъ вѣрующимъ: *все ваше и настоящее и будущее*, и вся жизнь и весь міръ, *все ваше* (1 Кор. III, 21. 22. 23), но съ условіемъ, на которое и прошу просвѣщенныхъ слушателей въ заключеніе обратить особенное вниманіе въ виду тѣхъ иноземныхъ апостоловъ, которые, какъ говорятъ, проповѣдуютъ одно только блаженство вѣры во Христа, или *принятія въ себя Его*; именно: *все ваше, пока вы Христовы, пока вы стоите въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ и не подвергаетесь игу рабства*, т. е. грѣху (Гал. V, 1). А искушеніе грѣха еще ближе къ христіанину, чѣмъ какъ оно было близко къ прародителямъ въ раю; тамъ—въ раю оно первоначально возбуждено было отвѣтъ, а мы и тотчасъ по выходѣ изъ купели Крещенія, какъ было выше замѣчено, носимъ его въ себѣ самихъ, въ тѣхъ безсознательныхъ и еще свободно не истребленныхъ нами слѣдахъ нашей прежней грѣховности, которыхъ не имѣлъ Адамъ и которые готовы возникнуть въ нашемъ сознаніи и манить къ себѣ нашу свободу всякій разъ, когда энергія къ добру чѣмъ либо ослабляется или когда, какъ говоритъ евангельская притча, мы нравственно *спимъ* (Матѣ. XIII, 25). Искушеніе, правда, никогда не допускается *сверхъ силъ* человѣка (1 Кор. X, 13), и благодатная помощь, сила освященія даруется христіанину въ такой преизобильной мѣрѣ, *какою не обладалъ* и первозданный въ раю; но все же зло—у дверей нашего сердца и ничѣмъ не можетъ быть удалено отъ него, кромѣ нашего собственнаго, съ помощію благодати, свободнаго *бодрствованія и труда всей своей жизни*. Искушеніе есть даже необходимость для нашего совершенствованія, какъ необходима была заповѣдь въ раю, чтобы не одна благодать, а и сами мы съ ея помощію стяжали свое нравственное достоинство въ очахъ Бога, были бы не вещами или орудіями внѣшней, хотя бы и божественной силы, не имѣющими ничего сроднаго съ Его природою, а самостоятельными личностями, съ которыми Богъ можетъ *дѣйствительно*

*вступать въ свободныя отношенія правды и любви, въ дѣйствительный религіозный союзъ; чтобы наконецъ вѣрующіе, сами содѣйствующіе своимъ добродѣтелямъ, тѣмъ способнѣе были ощущать уже здѣсь на землѣ блаженство своей доброй жизни въ общеніи съ Богомъ. Но все же гдѣ возможно и даже необходимо искушеніе, тамъ возможно хотя и не необходимо и паденіе, порабощеніе себя грѣху, ожесточеніе во злѣ и, какъ необходимое слѣдствіе того, полное лишеніе себя всѣхъ плодовъ искупленія. Вотъ почему не разъ взывая христіанамъ: *радуйтесь, всегда радуйтесь и еще говорю: радуйтесь* (1 Тесе. V, 16; Филип. IV, 4), тотъ же св. Апостоль никогда не забываетъ внушать: *но и трезвитесь и бодрствуйте* (—6) *надъ собою, удерживайтесь отъ всякаго зла* (Ефес. VI, 11—13), *чтобы не угасить духа* вашего оправданія и освященія (1 Тесе. V, 19), *чтобы кто изъ васъ не лишился благодати Божіей* (Евр. XII, 15). Словомъ: *совершайте* ваше спасеніе не только съ радостію, но и *со страхомъ и трепетомъ* (Филип. II, 12)!*

Полный отвѣтъ поэтому на вопросъ—что значить быть христіаниномъ можетъ гласить такъ: *христіанинъ есть не только призванный къ вѣрѣ благодатію Божіею, не только вѣрующій и по вѣрѣ оправданный и освященный тою же благодатію членъ Церкви Христовой, но и возрастающій какъ въ вѣрѣ¹⁾, такъ и силою вѣры²⁾ во всей нравственной жизни.*

Я кончилъ свой отвѣтъ на оба предложенные мною вопроса.

¹⁾ По мѣрѣ возрастанія своего, вѣра естественно болѣе и болѣе отрѣшается отъ покаянныхъ чувствъ (хотя не отъ смиренія, какъ всегдашняго памятованія своего бывшаго зла, изглаженнаго милосердіемъ Божиимъ), отъ которыхъ она не отдѣлима при обращеніи,—а въ будущей жизни имѣеть замѣниться видѣніемъ Бога лицомъ къ лицу.

²⁾ Изъ выше въ этомъ чтеніи изложеннаго *понятія* о вѣрѣ читатель могъ замѣтить, что въ это понятіе входитъ и то, что называется обыкновенно какъ *надеждою* на Бога, такъ и *любовію* къ Нему; строго выдѣлять эти послѣднія два понятія изъ перваго не возможно, а въ примѣненіи къ жизни—вредно: доказательство въ римско-католической казуистикѣ на счетъ обязанностей по каждой изъ этихъ трехъ, такъ называемыхъ Богословскихъ добродѣтелей.

Слушая этотъ отвѣтъ, въ которомъ приводилось не мало изрѣченій Священнаго Писанія весьма отвлеченнаго характера, много употреблялось и научныхъ выраженій, которыя болѣе или менѣе понятны только образованнымъ слушателямъ, кто либо могъ придти къ мысли: если и для насъ нужно такъ много и такъ иногда не ясно, не просто говорить, чтобы понять, что значить быть человѣкомъ и христіаниномъ, то возможно ли какое либо человѣческое и христіанское сознаніе и развитіе въ людяхъ простыхъ, неграмотныхъ? О какихъ психологическихъ тонкостяхъ по вопросу напр. о сознаніи, о наслѣдственномъ грѣхѣ, о благодати и свободѣ они могутъ имѣть понятіе? Признавая всю *догматическую* важность и *практическую* необходимость *оглашенія*, т. е. духовнаго просвѣщенія для каждаго приступающаго къ крещенію, а тѣмъ болѣе для крещеннаго уже въ безсознательномъ дѣтствѣ христіанина, и сочувствуя отъ всей души обычаю западныхъ христіанъ подвергать всякаго крещеннаго, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, испытанію въ усвоеніи имъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія (что у насъ могло бы достигаться въ народной школѣ),—не могу не сказать однакоже, что и неграмотный крестьянинъ своимъ нравственнымъ чувствомъ и опытомъ жизни, подъ вліяніемъ христіанскихъ обычаевъ и церковнаго Богослуженія, часто можетъ быть не менѣе глубоко проникнуть своимъ человѣческимъ и христіанскимъ долгомъ, чѣмъ многіе образованные христіане. Народная же мудрость рѣшаетъ иногда труднѣйшіе христіанскіе вопросы, каковъ напр. вопросъ объ отношеніи свободы къ благодати, запутывающій умы самыхъ ученыхъ богослововъ, въ самомъ ясномъ и для практической жизни весьма удовлетворительномъ отвѣтѣ; такова напр. пословица, вполне примѣнимая къ указанному вопросу: „на Бога надѣйся и самъ не плошай“. Если въ чемъ слѣдовало бы исправить ее, то это развѣ только въ томъ, чтобы вмѣсто: не плошай, сказать: улучшайся съ Божіею помощію, или: совершенствуйся, иди впередъ!

Все безраздѣльное содержаніе религіозно-нравственнаго настроен-

нія, насколько о немъ можно судить по виѣшнимъ поступкамъ, выразилось напр. въ едва-ли кому теперь памятномъ подвигѣ простаго русскаго крестьянина Владимірской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевки Василя Гаврилова Марина, по случаю пожара, истребившаго Московскій театръ въ 1852 году. Разсказъ объ этомъ подвигѣ, прочитанный мною въ *Journal de S. Petersbourg* № 66 1853 года, когда я только что начиналъ въ чужихъ краяхъ свое служеніе въ санѣ священника, такъ глубоко тронулъ меня, что я тогда же записалъ его, и онъ, кажется, заслуживаетъ того, чтобы и теперь и здѣсь вспомнить о немъ. Крестьянинъ Маринъ, занимавшійся кровельнымъ ремесломъ, а потомъ сдѣлавшійся котельникомъ на Колпинской фабрикѣ, въ мартѣ 1852 г. возвращался съ братомъ и 9-ю другими товарищами изъ Евсеевки въ Колпино черезъ Москву. Переночевавъ въ Москвѣ, артель отправилась посмотреть Бѣлокаменную, чтобы въ 3 часа съ товарнымъ поѣздомъ отправиться дальше. Побывавъ прежде всего въ Кремль, чтобы, по прекрасному русскому обычаю, поклониться его святынѣ, и полюбовавшись на Москву съ Ивановской колокольни, путешественники зашли на птичій дворъ, гдѣ и услышали, что театръ загорѣлся; артель тотчасъ направилась къ театру, который между тѣмъ уже былъ охваченъ изнутри пламенемъ, прорывавшимся и наружу; трое изъ рабочихъ при театрѣ, чѣмъ-то занятыхъ въ немъ до пожара, спасаясь отъ огня и дыма, пробрались на кровлю театра; но и тамъ дымъ душилъ ихъ и пламя все ближе охватывало ихъ со всѣхъ сторонъ; двое изъ несчастныхъ не выдержали, бросились внизъ и погибли на мѣстѣ. Масса народа, окружившая между тѣмъ театръ, — полиція, подоспѣвшая пожарная команда, къ несчастію не имѣвшая достаточно высокихъ лѣстницъ, а потому и никакой почти возможности добраться до остававшагося въ живыхъ третьяго рабочаго, — вся эта публика въ безмолвномъ ужасѣ слушала его раздирающія мольбы—о помощи. Въ эту-то минуту и подошелъ къ пожару Маринъ. „И молчалъ, но мое сердце забилося“, разсказывалъ онъ послѣ. Не теряя времени, онъ взялъ съ позволенія

полиціи одну изъ лѣстницъ, веревку и желѣзный крюкъ и, пригласивъ брата слѣдовать за собою, приставилъ лѣстницу у одной изъ водосточныхъ трубъ зданія; осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ началъ подниматься по лѣстницѣ и добрался до послѣдней ступени ея; но до крыши было еще далеко. Маринъ опоясалъ себя веревкою, снова перекрестился и по трубѣ, трещавшей подъ его тяжестью, поднялся до карниза, куда братъ съ помощію поданной ему сверху веревки доставилъ крюкъ; Маринъ перебросилъ этотъ крюкъ вмѣстѣ съ веревкою чрезъ карнизъ на крышу, гдѣ едва живой работникъ прикрѣпилъ его и потомъ по этой веревкѣ, съ помощію Марина, среди дыма и пламени, среди треска и вѣтра, на глазахъ притаившей дыханіе публики, благополучно спустился до лѣстницы, откуда уже не трудно было спуститься и до земли.

Когда Маринъ съ спасеннымъ имъ рабочимъ достигъ лѣстницы, то вся безмолвная масса зрителей осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ; а когда онъ спустился на землю, то многіе изъ нихъ спѣшили выразить ему восторженную благодарность въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. „Я ничего не помнилъ, говорилъ потомъ Маринъ, кромѣ того, что сердце мое билось и какъ будто спрашивало: какъ бы спасти христіанскую душу, и какъ будто говорило, что Богъ мнѣ поможетъ“.

Въ этомъ подвигѣ выразилось все религіозно-нравственное настроеніе простаго человѣка: и его вѣра въ Бога, и его здоровое нравственное чувство, и его свободная, мужественная и самоотверженная рѣшимость на богоугодное дѣло, и его любовь къ ближнему, соединенная съ умѣніемъ восторжествовать надъ матеріальными препятствіями.

Но всего дороже въ этомъ подвигѣ его естественность—эта простота добраго дѣла, совершаемаго не по какой-нибудь теоріи, не по утилитарнымъ или другимъ какимъ соображеніямъ, а просто потому, что христіанское, т. е. истинно человѣческое сердце таково: оно дышетъ добромъ. Маринъ среди общаго сочувствія, съ какимъ обступили его со всѣхъ сторонъ, самъ не обратилъ особеннаго вли-

манія ни на кого, не замѣтилъ даже имени того, кого онъ спасъ; онъ опасался въ это время только одного: какъ бы товарный поѣздъ не ушелъ безъ него въ Колпино,—и дѣйствительно Маринь не опоздалъ и, прибывъ въ Колпино, взялся за свое обычное ремесло.

Понятно, почему имя Марина успѣли однакоже записать въ Москвѣ и почему блаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ розыскать его и привести къ себѣ, и когда Маринь явился во дворецъ, разцѣловалъ его и наградилъ.

Подобными фактами, свидѣтельствующими о таящемся въ русскомъ народѣ глубокомъ религіозно-нравственномъ чувствѣ, полны Русская исторія и нашъ современный бытъ: какъ напр. билось и доселѣ бьется сердце русскаго человѣка въ виду востока!

Съ прискорбіемъ должны мы однакожъ сознаться, что русская жизнь богата этими отрадными религіозно-нравственными явленіями преимущественно лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ... Не вспоминая о прошломъ, можно было бы и въ современномъ бытѣ указать на многое, что говоритъ о скудости сознательнаго, прочнаго христіански-нравственнаго *развитія* народныхъ массъ и даже не однихъ только массъ: напр. на неумѣніе воспользоваться всѣми сокровищами земли, населяемой русскимъ народомъ; на его бѣдствія отъ неразумнаго истощенія почвы, обезлѣсенія ея, пожаровъ; на ужасающую смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ отъ непониманія гигиеническихъ условій жизни; на рабство водкѣ или игрѣ, или пустой модѣ и роскоши; на проявляющіеся часто признаки непониманія, равнодушія или даже совершеннаго эгоистическаго на-правленія относительно общественныхъ дѣлъ и потребностей сельскихъ, земскихъ, городскихъ и т. п.; на чаще и чаще встрѣчающійся разладъ въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, между самими супругами; на странныя у иныхъ понятія даже о значеніи и призваніи самаго семейнаго союза, этого перваго питомника всего духовнаго склада ребенка, гдѣ онъ впервые приобрѣтаетъ задатки всѣхъ понятій о цѣли человѣческой жизни, ея радостяхъ и скорбяхъ, опасеніяхъ и надеждахъ, правахъ и обязанностяхъ.

Въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ, что значить быть христіаниномъ, я не считалъ нужнымъ касаться того: что дѣлаетъ Божественная благодать съ христіаниномъ, бо въ скоро онъ утратилъ блаженство своего оправданія и силу освященія, впалъ въ тяжкій грѣхъ, т. е. снова поработилъ свою христіанскую свободу чувственности или эгоизму и порвалъ свое общеніе со Христомъ и Богомъ? Наиболѣе яснымъ отвѣтомъ на это служить: слышимаая нами въ церкви ежегодно, начиная съ недѣли „блуднаго сына“ пѣснь: „покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“, только что окончившееся время поста ¹⁾ и наступающіе дни воспоминанія страданій Христа Спасителя и Его славнаго воскресенія, — время, когда Церковь возбуждаетъ всякаго грѣшника умереть грѣху вмѣстѣ со Христомъ, снова пройти скорбный путь зарожденія покаянной вѣры въ Него, этою вѣрою съ Нимъ воскреснуть въ св. таинствахъ Покаянія и Причащенія, чтобы и здѣсь на землѣ царствовать съ Нимъ нравственно, обладая въ своемъ сердцѣ *царствомъ Божиимъ* и распространяя его отсюда по всѣмъ направленіямъ земной дѣятельности, и въ будущей жизни найти мѣсто, радостное возбужденіе и блаженную, нескончаемую дѣятельность всѣхъ силъ въ обителяхъ Отца небеснаго, число, величіе и красота которыхъ неизмѣримо, — въ общеніи съ сонмами свѣтлыхъ небожителей, блаженство котораго теперь недоступно нашему сердцу, — и въ непосредственномъ лицезрѣніи Трїедиаго Бога и участіи въ Его славѣ, теперь превышающихъ всякій умъ.

Желая каждому изъ просвѣщенныхъ слушателей болѣе и болѣе съ помощію Божіею совершенствоваться въ христіански-нравственномъ разумѣніи и жизни, я не могу съ своей стороны не выразить членамъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и ихъ дорогимъ гостямъ глубокой признательности за вниманіе, какого они удостоили мои посильныя размышленія, и твердой надежды, что никто изъ насъ не будетъ сожалѣть о часахъ, проведенныхъ за этими размышленіями.

¹⁾ Это послѣднее чтеніе происходило въ Вербное Воскресенье.

Вы собирались сюда въ надеждѣ услышать что-нибудь полезное для себя въ эти святые дни, хотя, быть можетъ, и не всегда находили это; я съ своей стороны имѣлъ также искреннее желаніе по-дѣлиться съ вами, какими самъ богатъ, мыслями и какъ умѣю, по важнѣйшимъ въ нашей жизни вопросамъ. Общія наши намѣренія сами по себѣ были святы; а Богъ, какъ выражается св. Іоаннъ Златоустъ, и благія намѣренія цѣлуетъ!

Протоіерей Іоаннъ Янышевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки